

№4

Апрель 2019

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

**СЕРГЕЙ ШУБ:
«ПРОДОЛЖАЮ
УЧИТЬСЯ ДО СИХ ПОР»**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4 (162)
Апрель 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СЕРГЕЙ ШУБ: «ПРОДОЛЖАЮ УЧИТЬСЯ ДО СИХ ПОР»
НАДЕЖДА КОКАРЕВА
- 10 ЗРЕЛАЯ ГРОЗДЬ ХУДОЖНИКОВ «АЙНУНГА»
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 14 ОЦИФРОВАННЫЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 19 ПОЗДРАВЛЕНИЕ В.А. САДОВНИЧЕМУ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 НАРОДНЫЙ КУМИР
ДЕМИКО ЛОПАДЗЕ
- 31 ЭТИМ КРАСКАМ НЕ ДАНО ПОТУСКНЕТЬ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 36 ПОЗДРАВЛЕНИЯ
- 37 «Я БРАТ ТВОЙ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 40 БОГ ПОЭЗИИ
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 44 НОВЕЛЛЫ
АРСЕН ТИТОВ

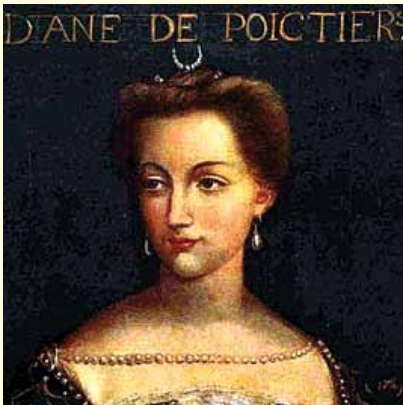
На обложке – **ВЕСНА В ТБИЛИСИ**
Фото: Александра Сватикова

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ЕКАТЕРИНА VS ДИАНА

Как поется в популярной песенке «жениться по любви не может ни один король». Эта грустная истина часто подтверждалась в истории. Вроде правит себе владыка судьбами страны и людей, а в личной жизни несчастлив. Или жена, на которой пришлось жениться из политической необходимости, нелюбима — некрасива, глупа, не подходит по характеру, плюс всегда иностранка, плохо говорящая на его языке, далее по списку. А бывает, что в сердце поселяется зазноба, с которой ему не суждено жить и жизни радоваться... Вот и у французского короля Генриха II приключилась именно такая коллизия. Женили его на итальянской девушке из просвещенной Флоренции. Умная была барышня с приличным воспитанием, хорошим приданым, начитанная, эрудированная, но какая-то ему неинтересная. Звали ее Екатерина из знаменитого рода Медичи. Но не ее любил молодой король. Случилось в его жизни испытание — вот она, судьба королевских детей — отдали его заложником за плененного испанцами отца, Франциска I. Этот блестящий король проиграл важное сражение и вынужден был пойти на все условия своего испанского супостата Карла V. И важным условием

было отдать в плен сыновей. Обмен отца на детей был на реке. Франциск выскочил из лодки и, не глядя на мальчиков, устремился прямо к своим придворным. А к одиноким мальчикам подошла красивая молодая женщина в черном, погладила их по волосам и поцеловала на прощание — это была прекрасная вдова Диана де Пуатье. Генрих запомнил это мгновение на всю жизнь, и не было для него женщины любимей и желанней. Когда он вернулся из плена, Диана навсегда стала дамой его сердца, невзирая на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте, шушуканья придворных и недовольство родных. Влюбленные были все время вместе, но... жениться пришлось на другой, Екатерине. Юной супруге не понравилось конкурировать с «пожилой» дамой, но молодой король был непреклонен — Диана, и больше никто. Он осыпал возлюбленную подарками, дарил поместья и замки. Жена же скучала на своей половине дворца. Но фаворитка была опытной и умной, она велела молодому любовнику не валять дурака и иногда уделять время законной супруге, чтобы народить потомство. Она даже стала оказывать покровительство Катрин. В итоге, у законной пары родилось четверо мальчика и три девочки. Историю этой семьи мы все знаем из серии приключенческих романов Александра Дюма — «Королева Марго» и т.д. Когда же король погиб во время рыцарского турнира, все переменялось. Не прошло и суток, как разлучница была сослана, ей велено было «сдать» все подаренные драгоценности и запрещено участвовать в похоронах возлюбленного. Диана была мудра, она оставила себе лишь тот небольшой изящный замок, который купила сама, и с легкостью отказалась от подарков покойного Генриха, понимая, что Катерина не успокоится. Она дожила до 67 и осталась невероятной красавицей — случаются в природе такие феномены. А ее соперница осталась в истории воплощением коварства и зла. Властолюбие Катерины не знало границ. Она правила за своих детей, развязывала религиозные войны и травила ядами своих соперников. Но главное, она устроила чудовищную резню — Варфоломеевскую ночь. Погибли тысячи людей. В апреле исполняется 500 лет со дня рождения Екатерины Медичи... Две женщины, и такие разные судьбы! Но было и общее — обе любил одного мужчину.

«ГЕРЦОГ», СЫН ДВОРЕЦКОГО

Великий джазовый музыкант Дюк Эллингтон родился в Вашингтоне 29 апреля 1899 года за 13 лет до появления в одной газете из Сан-Франциско слова «джаз». На самом деле эта усложненная версия негритянского музыкального фольклора, вкупе с африканскими элементами, блюзом и протяжными ритмичными песнями для тяжелой работы, типа русской «Дубинушки», была уже хорошо известна и развита в южных штатах, где до Гражданской войны Севера и Юга жило немало афроамериканцев — бывших рабов. Но семья Эдварда Кеннеди Эллингтона, так на самом деле звали нашего героя, была северянами и вполне среднего достатка. Его отец работал дворецким в Белом доме и неплохо зарабатывал. Мальчик с детства рос в комфортной обстановке и имел все возможности развивать многочисленные таланты — он был неплохим художником, отец даже выхлопотал для него стипендию в художественном колледже, писал стихи и небольшие рассказы. Плюс дома было собственное пианино, на котором Эдвард научился на слух подбирать популярные рэгтаймы. Родители, заметив интерес сына к музыке, наняли ему учителя, и Эллингтон, в отличие от многих будущих коллег, не был самоучкой и изучал гармонию. Сочинять свою музыку он начал в пятнадцать лет. А когда ему исполнилось семнадцать, решил с приятелями создать свой собственный джаз-банд. Их первые же выступления в небольших клубах понравились публике. Содержать целую группу до поступления регулярных заработков было тяжеловато, но Эдварда поддержали на первых порах родные, помогая выплачи-

вать небольшие зарплаты музыкантам. Вскорости к Эллингтону приклеилось прозвище, ставшее его вторым именем – «дюк», то есть «герцог». Так его прозвали за хорошие манеры и умение элегантно одеваться. Джазменов часто именовали дворянскими титулами – королями и графами, это была дань мастерству и харизме, но «дюк» в истории жанра был только один. Оркестр Эллингтона быстро стал популярным и играл на приличных площадках. А в двадцать четыре «Дюк» со своими друзьями перебрался в Нью-Йорк, где они обосновались сначала «У Бэррона» в Гарлеме, а потом на Тайм Сквер в «Kentucky Club». Серьезные контракты не заставили ждать – на несколько лет его «Duke Ellington and His Orchestra» выступал в знаменитом «Коттон-клабе», откуда регулярно велись радиотрансляции, сделавшие Эллингтона знаменитостью. С начала тридцатых годов все главное в судьбе Эллингтона и началось – гастроль, постановки музыкальных спектаклей на Бродвее, музыка для фильмов. Он занимается серьезной джазовой композицией, его оркестр становится своеобразной трамплинной площадкой для многих будущих знаменитостей. Среди музыкантов считалось немалой удачей попасть в обойму «Дюка». Он оказался очень хорошим организатором и вдумчивым руководителем. Его сотрудники никогда не бедствовали, получали приличное жалование и «нарабатывали себе высокий рейтинг», позволявший устраивать дальнейшую самостоятельную карьеру. Музыканты его любили, потому что он писал музыку, оставляя им место для виртуозных соло и импровизаций. В итоге Дюк Эллингтон остался в истории джаза одним из основоположников нескольких музыкальных стилей и, как говорили критики, превратил джаз в академическую «серьезную» музыку. Он прославился еще и тем, что руководил своим оркестром почти 50 лет.

ДВА ВЕКА И ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ С ГОГОЛЕМ

В апреле исполняется двести десять лет со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Ожидается широкое празднование, выставки, юбилейные издания. А как же иначе, Гоголь

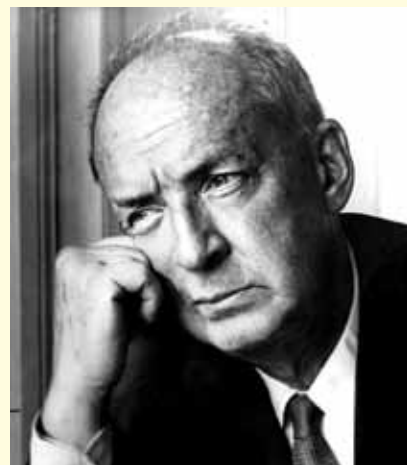

один из самых выдающихся авторов, писавших на русском языке. Рассказывать его биографию не имеет никакого смысла – Николаю Васильевичу посвящены тысячи научных и публицистических статей, оставлено немало воспоминаний современников, снято огромное число телепередач и документальных лент. И каждый из жителей России видел фильмы и спектакли по его произведениям, от «Ревизора» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», до «Мертвых душ», «Вия», «Тараса Бульбы» и «Шинели». Его влияние на отечественную литературу невероятно огромно. Творчество Гоголя вдохновляло немало российских литераторов, от Алексея Толстого до Михаила Булгакова. Поздравляю всех нас с его юбилеем!

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ГЕНИЙ

Немного в истории мировой литературы было писателей, сочинявших свои книги на двух и более языках. Таких уникалов называли билингва, т.е. «двужычными». Конечно, многие просвещенные люди свободно говорили на чужих языках, даже без акцента, но сочинять на чужом, как на родном, дано было только единицам. Скажем, тот же Пушкин, по воспоминаниям родных, писал на французском, который знал в совершенстве, но он понимал, что сочиненные им стихи получались плохими, и никому их не показывал. Среди успешных русских писателей-билингва на память приходят, пожалуй, только Нина Берберова и Иосиф Бродский. Ну и, конечно, Владимир Набоков, полжизни писавший на русском, а вторую по-английски. Этот сын русских аристократов и богатых золотопромышленников, рожденный 22 апреля 1899 года, получил прекрасное домашнее образование, с изучением русского, французского и английского, а потом окончил Тенишевское училище. В юности он вел обеспеченную жизнь богатого наследника, с прекрасными манерами и «шармом»,

но при этом с увлечением изучал шахматы и энтомологию. Он даже издал свой первый сборник стихов за свой счет, правда, потом о нем вспоминать не любил, как об очень сыром юношеском опыте. Революция вынудила семью переселиться в Крым, где Владимир впервые с успехом публиковался, а в 1919 году Набоковы уехали из России навсегда. Владимир отправился в Англию, где учился в Оксфорде, изучая французскую литературу и улучшая свой английский. А потом

была жизнь в Берлине, отъезд из-за нацистов в Париж, бегство из Европы в 1940-м на последнем пароходе в США. В Европе в 20-30 годы Набоков написал 8 романов на русском, которые снискали ему славу, но в Америке начал писать по-английски. Здесь он познал мировую славу, а его скандальная «Лолита» сделала его не только знаменитым, но и обеспеченным. В США он также перевел на английский «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и «Слово о полку Игореве». После 20 лет за океаном Набоков с семьей перебрался в Швейцарию, где и прожил до самой смерти. Нобелевскую премию ему так и не дали, что мировая общественность считала несправедливым. Так кто же Владимир Набоков, чей он на самом деле писатель? О себе он говорил так: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски». Но, невзирая ни на какие объяснения о многоязычии Набокова, наш читатель по-прежнему считает его своим, русским.

СЕРГЕЙ ШУБ: «ПРОДОЛЖАЮ УЧИТЬСЯ ДО СИХ ПОР»

■ Надежда КОКАРЕВА

Собеседник «Русского клуба» – Сергей Шуб, генеральный директор Санкт-Петербургского государственного театра-фестиваля «Балтийский дом», заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. 9 апреля ему исполняется 70 лет. «Русский клуб» поздравляет своего давнего друга с юбилеем, желает ему здоровья и новых творческих достижений и с радостью предоставляет ему возможность поговорить с нашими читателями о театре, о времени и о себе.

– Вы родились на Украине. Проявляются ли в чем-то ваши украинские корни?

– Я сын военного, наша семья много переезжала, и в этом смысле у меня должны быть корни и украинские, и белорусские, и северные. Мы долгие годы жили в Архангельске, на севере. Воспоминания об Украине связаны, прежде всего, с теплом, нежностью, с ласковым климатом, который любит человека. 1 сентября ты шел в школу не в пальто, а в рубашечке легкой. Хотя я уже много лет живу в Петербурге, я всю жизнь тоскую по теплу и по тому, что с этим было связано. На Украине я жил с бабушкой и дедушкой и воспитывался в любви. В этом смысле у меня было счастливое детство. Вареники, которые моя бабушка делала с вишней, до сих пор мое самое любимое блюдо. К сожалению, сегодня у нас такой жесткий ритм жизни, это влияет на взаимоотношения в семье. Детям сегодня сильно не хватает любви.

– Кого вы считаете своими главными учителями в жизни? В профессии?

– Если говорить о людях, которые определили мой путь, то я не могу не вспомнить моего учителя по литературе Нину Федоровну Орлову в Архангельске. Мой папа – военный, а моя мама – врач. Меня готовили к медицинской карьере. Нина Федоровна заметила, что у меня есть интерес к гуманитарным наукам, к театру. С ней мы даже драмкружок организовали в школе. Моя первая и последняя роль на сцене была Сальери, мы играли пушкинские «Маленькие трагедии». По рекомендации Нины Федоровны я поступил в театральный институт в Ленинграде.

Что же касается профессии, то главным своим учителем я должен назвать Сергея Львовича Цимбала, выдающегося театрального критика. Он был моим мастером в театральном институте и вел у нас главный

Театр-фестиваль «Балтийский дом»

предмет – театральную критику. Сергей Львович дал всем, кто со мной вместе учился на курсе, высочайшие критерии профессии театрального критика. Один из главных: театральный критик не имеет права заходить в зрительный зал со служебного входа. Это очень глубокая мысль: мы должны судить результат, то есть спектакль. Мы не можем поддерживать одного или другого режиссера и не должны писать неправду, исходя пусть из благих, но конъюнктурных соображений. Критик имеет право только на объективную оценку художественного продукта. К сожалению, эти критерии, как и многие критерии нравственности, в профессии театрального критика сегодня потеряны. Осталось очень немного людей, которые этим критериям высокой театральной нравственности следуют.

– Как филолог и театровед стал генеральным директором театра?

– Мне всегда хотелось ставить амбициозные задачи перед собой и брать ответственность на себя. Наверное, мне это свойственно, потому что я Овен и родился в год Быка. После института я работал на телевидении, вел

театральные программы, готовил их и вел в кадре, потом меня пригласил Геннадий Михайлович Опорков в Театр Ленинского комсомола, ныне «Балтийский дом». Я работал его помощником по творческим вопросам. Позже я перешел в Театр Ленсовета к Игорю Петровичу Владимирову. Это были мощные лидеры, быть вторым при которых было очень комфортно и интересно. Затем Вячеслав Глазков меня вернул в Театр Ленинского комсомола, и когда он уехал в Самару, мне пришлось принимать нелегкое решение: остаться или уйти. Тогда набирал первые обороты фестиваль «Балтийский дом», и театр для меня стал действительно вторым домом. Я пришел к выводу: лучше уж сам буду принимать решения, чем работать с кем-то, кто будет диктовать свои правила игры. Тем более, что тогда такой личности просто не просматривалось. Я стал этой профессией овладевать, и до сих пор учусь, но за все удачи и неудачи я несу личную ответственность, не перекидывая на кого-то другого. Это качество, думаю, вообще должно быть свойственно мужчине: отвечать за то, что ты взял на свои плечи, в семье и в работе. Конечно, отсутствие менеджерского образования приходилось восполнять. 23 года

я работаю директором театра-фестиваля «Балтийский дом» и продолжаю учиться до сих пор. В том числе и у своих коллег. Например, у своего друга Николая Николаевича Свентицкого я учусь энтузиазму, сочетанию творческого романтизма с математической холодностью расчетов.

– Чем отличается Театр Ленинского комсомола от театр-фестиваля «Балтийский дом»?

– Прежде всего, тем, что это Театр-фестиваль. В «Балтийском доме» и в штатном расписании, и в нашей творческой программе эти две величины существуют в равной степени, помогая друг другу. Как и все петербургские театры, мы выпускаем в год 2-3 премьеры на большой сцене и 2-3 премьеры на малой. В течение года проходят фестивали «Балтийский дом», «Встречи в России», «Монокль» и точечные события, когда мы принимаем в театре коллективы из-за рубежа, а также проводим проекты за границей, в том числе и в Грузии, и в странах Балтии, и в дальнем зарубежье – в Италии, в Израиле (где только мы ни были!). У нас нет одного художественного лидера, но в какой-то степени мы с Мариной Ароновной Беляевой, нашим арт-директором,

Сцена из спектакля «Тарас»

разделяем эту работу, я имею в виду формирование труппы, приглашение режиссеров. Мы многое находим, формируя фестивальную программу. Люк Персеваль, Сильвиу Пуркарете, Йонас Вайткус пришли в наш театр благодаря фестивальным контактам. С другой стороны, фестиваль существует на базе театра. Это, кстати, специфика петербургских театральных фестивалей в отличие от московских. В Петербурге «Балтийский дом» – у нас, «Арлекин» – при театре «Зазеркалье», фестиваль «БТК-фест» – при Большом Театре кукол. Это дает дополнительное дыхание фестивалю. И команда у нас, по сути, общая. Мне кажется, что это – два сообщающихся сосуда, и это – удачная форма существования. Это дает дополнительный объем.

– Сохранились ли какие-нибудь традиции со времен Театра Ленинского комсомола?

– Традиция театра-семьи, театра-дома не в фундаментально-пензионерском понимании этого слова, а в том, что театр – это некая структура, основа которой лежит в преемственности поколений, в почитании стариков в понимании Станиславского, в актерах, которые здесь роди-

лись и живут. Я счастлив, что у нас работают Роман Громадский, Вадим Яковлев, Татьяна Пилецкая. И в цехах очень много людей, стаж которых перевалил за 30 лет, это люди, на которых я профессионально и нравственно ориентируюсь. Традиции семьи, уважения к ветеранам в таком самом правильном смысле сохранились.

– Как строится репертуар «Балтийского дома»?

– Мы стремимся строить репертуар так, чтобы коммерческая составляющая находилась в равновесии с тем, что мы формулируем как творческое кредо театра, которое, конечно, невозможно без признания зрителей. Я люблю фразу Мейерхольда: «До Пастера тысячи ученых изучали козявок, и только Пастер изобрел то, что стало кефиром и привело к революции – пастеризации, но для этого нужно было, чтобы тысячи ученых извели миллионы козявок». У нас есть Экспериментальная сцена под управлением Анатолия Праудина. В театре эксперимент не обязательно заканчивается успехом. Но в масштабах театрального производства (а театр такое же производство, как и любое другое) надо, чтобы вы-

полнялись условия, которые перед нами ставит государство по заполняемости площадок. Но при выполнении государственного задания и формировании репертуара мы должны не опускаться ниже ватерлинии в понятии вкуса. Поэтому мы ставим «Мадам Бовари» Флобера, «Милый друг» Мопассана – ищем в постановках различные ходы, привлекательные для зрителя. Например, в спектакле «Милый друг» режиссер действие перенесла в наше время и показала, что проблемы никак не устарели. Но, например, мы не смогли отказать себе в удовольствии к 100-летию революции поставить спектакль «Как закалялась сталь» по роману Николая Островского. Мы понимали, что на этом спектакле не будет аншлага, но это было наше высказывание о том времени, о тех мечтателях и романтиках, которые тогда поверили в идею города Солнца, и не их вина, что эта идея оказалась утопической. Мы также поставили спектакль «Тарас» по произведениям Николая Гоголя, который скоро привезем в Грузию. Это жесткий и социально-активный спектакль, и мы рады, что он пользуется успехом у зрителей. «Балтийский дом» делает это для того, чтобы вы-

Сцена из спектакля «О чем говорят мужчины и женщины»

сказаться о сегодняшнем дне. Эти постановки сделаны не в расчете на кассу. Другой полюс нашего репертуара – комедия «О чем говорят мужчины и женщины» А. Резя или музыкальный спектакль «Возвращение в любовь» М. Смысловой. Мы стараемся найти баланс.

– Изменились ли ожидания от театра у нового зрителя?

– Что такое новый зритель? Новый зритель только начинает постигать мир с названием «Театр». Традиционно мы ориентируемся на публику интеллигентную, среднего возраста. Мы делаем попытки найти дорогу к новому зрителю, которому сегодня 18-20 лет, но это всегда проблема. Конечно, в эпоху нравственного обнищания, которую сейчас переживает общество, театр – последнее прибежище духовности, и сегодня главная обязанность людей культуры – добиться того, чтобы в театр пришла молодежь.

– В чем секрет долголетия фестиваля «Встречи в России»?

– Всякий проект живет, пока есть внутренний драйв, внутренняя потребность его делать. Фестиваль «Встречи в России» был

создан энтузиастами в тяжелые времена, когда русский театр в странах ближнего зарубежья, которые стали независимы от России, стал терять свои позиции. Русский театр был и остается оплотом русской культуры за границей нашей страны. Мы видим, что сегодня есть потребность в нем и у русскоязычных зрителей, и у носителей местной культуры, несмотря на все проблемы, которые сейчас существуют: уходит старое поколение артистов и режиссеров и остро стоит вопрос воспитания молодых.

– Вы стали одним из инициаторов создания Ассоциации деятелей русских театров зарубежья. В чем вы видите ее главную цель? Удалось ли приблизиться к этой цели за прошедшие годы?

– И фестиваль «Встречи в России», и Ассоциация театральных деятелей русских театров существуют и развиваются. Я рад, что возглавляет Ассоциацию Николай Николаевич Свентицкий. Они сегодня являются базовым организационным и творческим моментом всей русской культуры зарубежья. Является ли это целью? Не знаю. Перефразирую известный афоризм: что цель –

ничто, движение – все. Я вижу процесс. Он идет, развивается, русских театров за рубежом становится больше. Появляются русские театры там, где никогда их не было – например, в Коста-Рике и Израиле. Пусть они полуволонтерские, но энтузиазм, с которым они работают, залог успеха. И то, что в старые театры приходит публика из коренного населения, например, в Латвии, Литве, Казахстане русской культурой интересуются не только носители русского языка, говорит о том, что наше дело правое.

– Вы не раз были в Грузии. Какие впечатления у вас остались от страны?

– Потрясающие впечатления. Мы не раз были здесь на гастролях, и в начале мая снова планируем быть здесь со спектаклями «Тарас» и «О чем говорят мужчины и женщины». Грузинские гостеприимство, радушие, на мой взгляд, очень близки нашей русской душе. Грузия за последние годы сделала огромный шаг вперед, это уже совершенно другая страна, с другой ментальностью. Грузия – это удивительная страна, у которой, я надеюсь, большое будущее.

Ирина Штенберг. Ресторан

ЗРЕЛАЯ ГРОЗДЬ ХУДОЖНИКОВ «АЙНУНГА»

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Вышел в свет альбом «Творчество художников Грузинской немецкой ассоциации «Айнунг», приуроченный к 200-летию основания немецкой колонии в Грузии.

Новое издание охватывает значительный промежуток времени – с 30-х годов прошлого века до наших дней, представляя профессиональных и самодельных художников, скульпторов и фотографов.

Напомним, что история переселения немцев в Грузию началась в 1817 г. XIX века. Согласно манифесту Екатерины Великой мигрантам в Российской империи гарантировали свободу вероисповедания, право на строительство собственных церквей, освобождение от налогов и военной службы. Им также передава-

лась земля с правом наследства, правда, не как личная собственность, а как собственность колонии.

Перебраться на ПМЖ в Грузию немцев пригласили по инициативе генерала Ермолова. В основном, это были переселенцы из Баден-Вюртемберга, которые перенесли нашествие Наполеона, политические беспорядки, голод и религиозные гонения. Среди колонистов были отколовшиеся от лютеранской церкви сектанты, стремившиеся переселиться на Святую землю или осесть на отрогах Арарата, чтобы там встретить конец света. Однако до Палестины швабы так и не добрались и осели в живописных долинах Грузии. Уже через полвека немецкие колонии превратились в образцовые

поселения: Мариенфельд – современный Сартичала, Ной – в пригороде Тифлиса на Кукии, Александердорф – на левом побережье Куры в Дидубе, Петерсдорф – недалеко от Сартичала, Элизабетталь – нынешний Асурети, Катариненфельд – Болниси были застроены каменными домами, окруженными садами, на центральной площади высилась кирха, действовали школы, аптеки и больницы. Немцы занимались виноделием, варили пиво, изготавливали молочные и колбасные изделия, сыры. Переселенцы не скупались на образование детей, и вскоре в Грузии все чаще стали появляться инженеры, врачи, аптекари, ученые, архитекторы из числа колонистов. Немецким архитекторам мы обязаны нарядными зданиями и особняками на центральных проспектах Тбилиси. Выходцами из числа колонистов были выдающиеся мастера кисти Альберт Зальцман и Оскар Шмерлинг.

Многие представители известных фамилий грузинских немцев представлены в новом альбоме-альманахе. Например, Тинатин Гейне, ведущая свою родословную из семьи заслуженных врачей, является участником многочисленных выставок, художником театра и кино, графиком, работы ее находятся в музеях и частных коллекциях разных стран. В альбоме представлено также творчество ее сына, театрального режиссера Нико Швелидзе, работы внуки... Подобные семейные династии скорее правило, а не исключение. В сборнике отражено творчество представителей двух, а то и трех поколений талантливых семей. Даже краткие биографии героев альбома свидетельствуют, что подавляющее большинство немецких семей пережили сталинские репрессии и трагедию выселения в годы Второй мировой войны. Но удивительный факт: после ссылки многие этнические немцы вернулись в Грузию. И еще

– большинство фамилий в альбоме указывают на немецкие и грузинские корни, а творчество некоторых художников носит неповторимый грузинский колорит. И тут необходимо отметить работы ученицы Серго Кобуладзе Лоретты Шенгелиа-Абашидзе-Фишер, пишущей на исторические темы. На полотнах ее оживают сцены из истории Грузии, герои и святые. Ее картины наполнены глубоким смыслом и любовью к родине. Глубоко национальны по духу отмеченные грузинским колоритом работы книжного графика, профессора Тбилисской академии художеств Динары Нодиа-Штенберг.

Закономерно, что открывает творческий ряд скульптор Юлиус Генинг, родившийся в Тифлисе и закончивший художественную академию Йены. Он оставил о себе прекрасную память, украсив каменными орнаментами такие знаковые для города здания, как верхняя станция фуникулера, стадион «Динамо». Дом его дочери

Динара Нодиа-Штенберг. Кахети

Маргариты Генинг под горой Мтацминда долгие годы был гостеприимно открыт для всех любителей флоры, туда приходили, чтобы полюбоваться небывалой коллекцией кактусов, состоявшей из 4000 видов. Маргарита в зрелом возрасте увлеклась живописью, ее выставка была организована ассоциацией «Айнунг».

Неудивительно, что в аль-

боме «Айнунга» рядом с крупными мастерами соседствуют самодеятельные художники. И это правильно, где же еще можно познакомиться с фотографиями актера Анатолия Гайде или вышивками медсестры Иды Шалль, которая как истинная швабка играла на аккордеоне и, как никто другой, умела вселить в друзей оптимизм.

В альбоме знакомимся с

Лоретта Шенгелиа-Абашидзе. Иллюстрация к «Мученичеству Шушаник»

Георг фон Адеркас. Фрейя - богиня плодородия

Ирина Элиашвили. Разговор с фарфором

краткими сведениями о жизни и творчестве нескольких поколений художников. К мастерам старшего поколения принадлежат Нино Заалишвили-Вайс, Клара Квесс-Андроникашвили, Мария Херцфельд-Джанджанидзе, скульптор Роланд Нароушвили-Кандели-фон Бройнинг. Каждый из этих личностей заслуживает отдельного рассказа. В рамках обзорной статьи придется ограничиться несколькими строками. Биография Клары Квесс-Андроникашвили вошла в книгу «50 женщин Грузии», что уже говорит о многом. В молодости она испытала гонение за приверженность модернизму, поэтому картины ее оказались под запретом, и талантливая художница долгие годы проработала в Институте археологии. Мария Херцфельд-Джанджанидзе, оставившая удивительные образцы керамики, бронзовой миниатюры родилась в Санкт-Петербурге, во время Первой мировой войны была выслана в Германию, где начался ее творческий путь и где она вышла замуж за грузина и уехала с ним на Кавказ. В ее судьбе были мордовские лагеря, расстрел мужа и воз-

вращение в Грузию после войны, на родину мужа, которая стала и для нее родной. Работы ее сохранила дочка, а внучка Лали Кутателадзе стала профессором Тбилисской академии художеств, является большим мастером минигравюры и керамики.

Творческая судьба Ирины Штенберг оказалась как нельзя более успешной. Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР с 1943 года, она работала в различных издательствах Москвы и Тбилиси, создала иллюстрации к книгам, серии жанровых рисунков, произведения станковой живописи, графики. Но в первую очередь прославилась как театральный художник, оформивший 320 постановок во всех ведущих театрах Тбилиси.

Теона Аситашвили-Цолле высокий уровень профессионального мастерства приобрела во время стажировки в Дрезденской галерее и посвятила многие годы реставрации старинных полотен, а для души рисовала полные изящества акварели. Ее дочь – Элене Аситашвили-Цолле специализируется по дизайну ювелирных изделий, работает в технике пе-

Мария Херцфельд-Джанджанидзе. Олененок

регородчатой эмали, ее работы находятся в частных коллекциях разных стран.

Одна из самых важных тенденций, которая прослеживается при знакомстве с альбомом, – преемственность поколений. В многонациональных семьях бережно хранят традиции немецких предков. В альбоме представлены три художника в третьем поколении творческой семьи Адвадзе – художник Марика, архитектор и график Нестан и скульптор Николоз Адвадзе – потомки по материнской линии семьи Кемпе. Из молодых творцов в альбоме можно выделить работы Пикрии и Ираклия Нароушвили-фон Бройнинг, Ираклия Чачхиани-Вайс, Давида Мрелашвили-Бугхольц и др.

В основу альбома легли работы, представленные на выставках последних лет, проведенных этой ассоциацией. Выпущен альбом был при финансовой поддержке Министерства внутренних дел Германии, курирующего деятельность соотечественников за рубежом, а также при содействии Посольства Германии в Грузии, Института Гете, Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, Музея истории Тбилиси им. И.

Гришашвили и ряда других организаций. Открывает издание приветственное слово президента ассоциации «Айнунг», доктора наук Гарри Аугста, а также обзорная статья искусствоведа Изольды Курдадзе, редактора альбома. Консультантом его является вице-президент «Айнунга» Александр Фельдмайер. В роли выпускающего, технического редактора выступила член правления ассоциации Ольга Адвадзе, дизайн и компьютерную верстку обеспечил Дмитрий фон Адеркас, фотоиллюстрации – Юрия Мечитова.

Художники, объединенные в «Айнунге», работают в разных жанрах, включая изготовление керамики, камей и ковров, придерживаются разных направле-

Нестан Адвадзе. Старый Тбилиси

Мамука Хелашвили. Это все о свете

ний живописи. Для творчества Лии Вайс-Чачхиани характерна техника акварели, для Гочи Зиракишвили-Миндельберга и Теи Хелашвили-Гензинберг – абстракция и поп-арт, Ирина Элиашвили-Кайзер успешно работает в стиле гиперреализма, Георг фон Адеркас, оправдывая тевтонские корни, в своем творчестве тяготеет к мистике. Картины Нелли Рейнгольд признаны врачевать души, художник в последние годы активно работает в области арт-психологии.

Работать и никогда не опускать рук – одна из черт немецкого характера. Проявилась эта черта и при подготовке данного альманаха. Организационная группа испытывала существенные трудности, в первую очередь финансовые. Поэтому члены правления обошлись без посредников, взяв на себя трудоемкие изыскания в архиве, перевод текстов, компьютерную верстку. И результат усилий оказался успешным. Альбом получился цельным и дарящим радость от творчества талантливых людей, собранных в одну гроздь, как привезенная некогда швабами из далеких земель рейнская лоза дала щедрые плоды на грузинской земле.

ОЦИФРОВАННЫЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

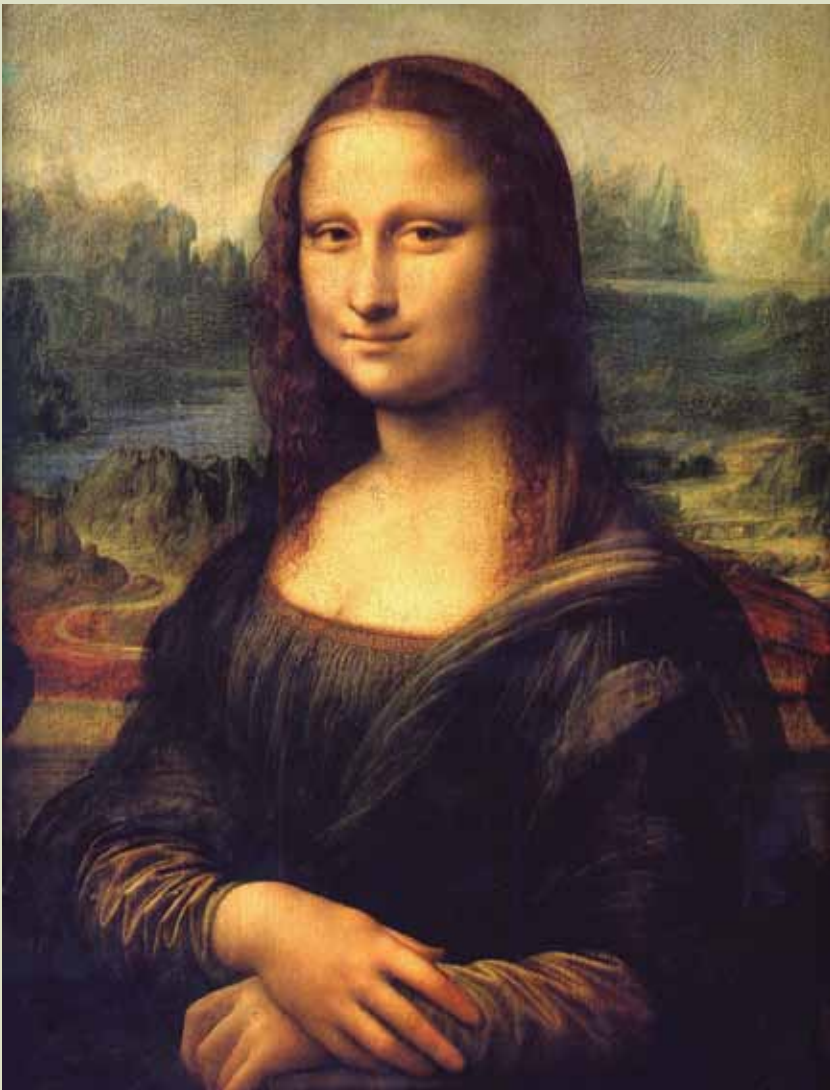
В канун 500-летнего юбилея со дня смерти Леонардо да Винчи в Тбилиси прошла выставка «Леонардо. Opera Omnia» («Леонардо. Невообразимая выставка»). Экспозиция состояла из цифровых репродукций семнадцати картин Леонардо, выполненных в натуральную величину и с высоким разрешением.

Уникальность проекта «Opera Omnia», осуществленного итальянским телевидением Rai, состоит в том, что оригиналы этих работ хранятся в крупнейших музеях Флоренции, Парижа, Лондона, Санкт-Петербурга, Ватикана, и чтобы посмотреть все эти шедевры, нужно объездить пол-Европы, что для большинства жителей нашей страны задача, прямо скажем, невыполнимая. По словам посла Италии в Грузии Антонио Бартоли, выставка дает возможность зрителю соприкоснуться с прекрасным, сравнить между собой две картины «Мадонна в гроте», одна из которых хранится в Лувре, а вторая – в Лондоне, или, к

примеру, сравнить работу «Св. Иоанн Креститель» с полотном «Вах», и, конечно же, лицезреть знаменитую фреску «Тайная вечеря» во всем своем великолепии. Тбилиси стал первым городом, где экспонировалась эта выставка, после Грузии она объездит многие страны мира. Мероприятие, координатором которого являлось Посольство Италии в Грузии, стало результатом тесного сотрудничества Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии, Министерства образования, науки, культуры и спорта Грузии, Национального музея и мэрии Тбилиси.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ГЕНИЙ РЕНЕССАНСА

Леонардо да Винчи – художник, инженер и ученый, архитектор, анатом и изобретатель, универсальный гений эпохи Возрождения, который совершил переворот не только в изобразительном искусстве, но в мышлении и науке. Интерес да Винчи касался многих направлений: его идеи и изобретения, проекты и чертежи охватывали все области знания. Леонардо, прежде всего, считают художником, что вполне понятно: его шедевры прекрасны и таинственны (хотя, многие из них остались незавершенными, а некоторые сегодня утеряны). Для него живопись не была лишь средством самовыражения, она была инструментом научных исследований, экспериментов и поисков. Понять живопись да Винчи невозможно без знания его наблюдений над человеческим телом, перелетом птиц, движением водных и воздушных масс, необычных изобретений и машин-аппаратов. По словам известного российского искусствоведа Евсея Ротенберга, Леонардо дал пример нового подхода к процессу творческого созидания, каждое его живописное произведение – результат большого аналитического труда. Обилие композиционных эскизов и натуральных штудий свидетельствует о колоссальной роли рисунка как в накоплении этюдного материала, так и в пластической реализации художественного замысла. Тысячи рисунков, сохранившихся в его рукописях, это словно зримый образ того открытия мира, которое несла с собой эпоха Возрождения. Он обогатил возможности рисунка также за счет широкого использования различной техники – пера, серебряного карандаша, итальянского карандаша, сангины. Основная часть его рукописей и чертежей собрана в миланской библиотеке Амброзиана, Королевской библиотеке в Виндзоре, графических коллекциях, хранящихся

Леонардо да Винчи. Джоконда

во Флоренции и Венеции.

Леонардо да Винчи родился 15 апреля 1452 года, недалеко от Флоренции, в Анкиано. Его отец, нотариус Пьеро да Винчи, отправил сына во Флоренцию, в мастерскую известного художника и скульптора Андреа дель Верроккио. В 1470 году Леонардо вступил в Гильдию художников Флоренции. Обучение, а в дальнейшем, и сотрудничество с Верроккио в течение семи лет имело очень большое значение для творчества молодого художника. В 1478 году синьория (орган городского самоуправления) Флоренции доверила молодому Леонардо написать картину для капеллы Сан Бернардо в Палаццо Веккьо (работа утрачена). В 1481 году августинские монахи Сан-Дonato-а-Скопето заказали Леонардо написать для алтаря картину «По-

клонение волхвов». Эта работа, хранящаяся в Галерее Уффици, осталась незавершенной, так как художник покинул Флоренцию, приняв приглашение от миланского правителя, герцога Лодовико Сфорца, которого прозвали «Моро» из-за темного цвета лица (итал. «Il Moro» – «Мавр»). Леонардо был занесен в реестр двора Моро как «живописец и инженер герцога», он также служил в качестве архитектора, гидротехника, инженера гражданских сооружений и конструктора военных машин. Художник находился при дворе Моро на протяжении семнадцати лет, и именно в этот период он создал проект тибуррия (шатровой башни с окнами) миланского кафедрального собора Дуомо, а в 1495-1497 годах Леонардо написал знаменитую фреску «Тайная вечеря»,

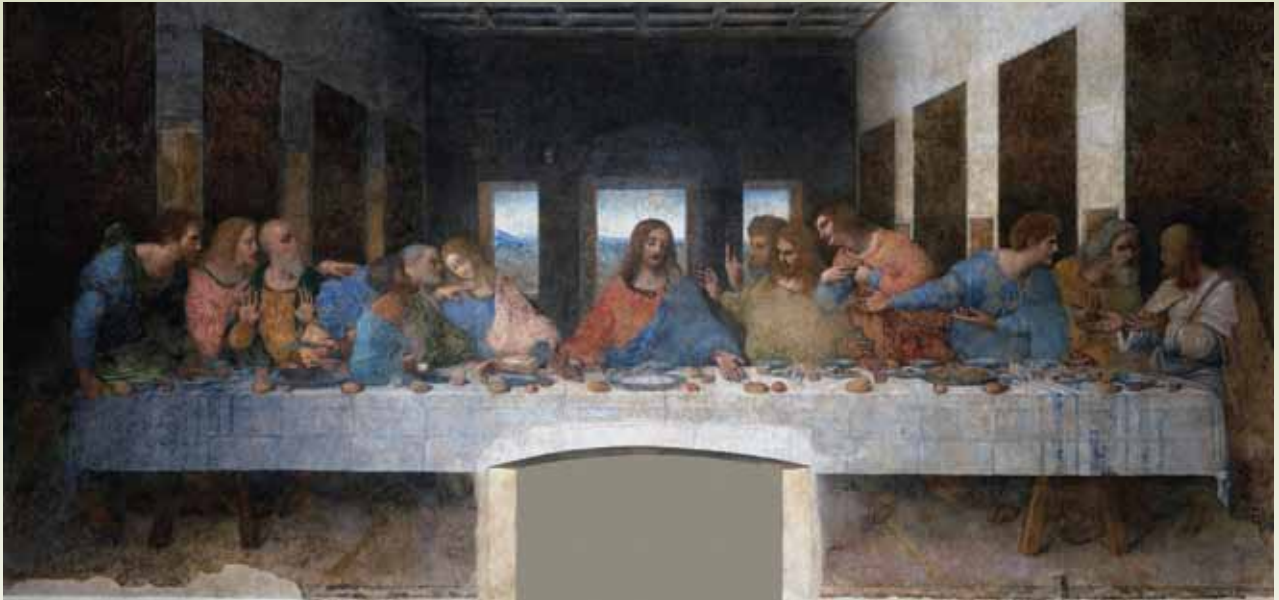
которая украшает трапезную монастыря Санта-Мария-делле Грацие. Помимо этого, он работал над оформлением таких театрализованных постановок, как представления в замке Каstellо Сфорцеско в 1490 году, и турнир, устроенный в честь свадьбы Лодовико Моро и Беатриче д'Эсте в 1491 году.

Творчество Леонардо да Винчи связано с разными городами Италии и Европы, на протяжении всей своей жизни он пользовался покровительством августейших особ и влиятельных политиков: во время романской кампании Леонардо сопровождал Чезаре Борджиа в качестве военного инженера, с 1507 по 1513 год он находился при дворе французского короля Людовика XII в Милане, а в 1513 году служил при дворе папы римского Льва X, брата Джулиано Медичи. И, наконец, с 1516 года жил во французском городе Амбуаз, являясь придворным художником короля Франциска I. Леонардо умер 2 мая 1519 года во дворце Кло-Люс, близ Амбуаза.

На сегодняшний день сохранилось всего около двадцати живописных картин художника. Среди утраченных «Медуза» из коллекции Медичи, некоторые не завершены («Святой Иероним», хранящийся в Ватиканской картинной галерее). А некоторые, из-за экспериментов да Винчи с грунтом, повреждены уже в процессе создания, например, фреска «Битва при Ангиари», которую он написал в 1504 году для зала Большого совета в Палаццо Веккьо во Флоренции. Примечательно, что в это же время Микеланджело в том зале на противоположной стене работал над росписью фрески «Битва при Кашине».

СИНЬОРА ДЖОКОНДО

Вот история нескольких картин, выставленных в Тбилиси. «Женский портрет» (Джоконда, или Мона Лиза), масло, дерево (ок. 1501-1503 гг.), Лувр, Париж. Одна из самых известных и хорошо охраняемых картин

Тайная вечеря

мира, сама по себе уже является туристической достопримечательностью, хотя о ней достоверных фактов очень мало. Со слов итальянского ученого Кассиано дель Поццо (1625 г.) известно, что король Франции Франциск I приобрел эту картину за баснословную сумму – 4000 золотых дукатов. Знаменитый художник и биограф Джорджо Вазари в первом издании «Жизнеописаний живописцев» упоминает то название картины, которое в дальнейшем принесло ей известность: «Леонардо начал писать для Франческо дель Джокондо портрет его жены Моны Лизы и после четырехлетнего труда оставил незаконченным. Сегодня эта работа находится у короля Франции, в Фонтенбло». Несмотря на это, доподлинно неизвестно, что на портрете изображена именно жена Франческо дель Джокондо. Некоторые исследователи в чертах женщины находят сходство с Пачификой Брандано, которая в период проживания Леонардо в Риме (1513-1515 гг.), была любовницей Джулиано де Медичи, покровителя художника. Хронология создания работы также вызывает вопросы. Картина датируется началом XVI века – Рафаэль, который в 1504-1508 годах жил и работал во Флоренции, в портрете Маддалены Дони повторил позу

Джоконды. По мнению одного из специалистов, возможно, Леонардо начал работать над этой картиной еще во Флоренции, а затем продолжил рисовать ее уже во Франции. По словам Ротенберга, Леонардо осуществил в портрете подлинную революцию, в «Джоконде» он придал портретному образу такую степень содержательности и глубину в раскрытии духовного облика модели, которая ставит портрет на один уровень с возможностями развернутых тематических композиций. Неуловимая улыбка вносит в этот образ оттенок изменчивости, внутренней неисчерпаемости, чему соответствует также характерная для Леонардо тончайшая дымка (сфумато), обволакивающая лицо и фигуру модели.

«БЛАГОВЕЩЕНИЕ»

«Благовещение», доска, масло, (1470 г), Уффици, Флоренция. После объединения Италии в результате притеснения религиозных общин в 1867 году эта работа из флорентийской церкви Сан-Бартоломео-а-Монтеоливетто перекочевала в Галерею Уффици. Изначально ее автором считался Доменико Гирландайо, сегодня же искусствоведы единодушно сходятся во мнении, что «Благовещение» создано еще совсем мо-

лодым 22-23-летним Леонардо. Датировку работы началом семидесятых годов XV века специалисты обосновывают существованием одного стилистического элемента: Дева Мария положила руку на подставку с книгой, форму и флористический орнамент которой можно найти на бронзовом саркофаге Пьеро де Медичи, созданном Андреа дель Верроккио в 1472 году (церковь Сан-Лоренцо, Флоренция). Искаженная перспектива, которую объясняют неопытностью молодого художника, часто становилась предметом критики, однако этот изъян вовсе не вредит прозрачной, воздушной и светлой атмосфере, в которой утоплены фигуры и которая развернута в сторону далеких холмов и городов.

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»

«Тайная вечеря», настенная живопись, трапезная монастыря Санта Мария делле Грацие, Милан. Этот шедевр дошел до нас в крайне поврежденном виде. Вместо использования флорентийского метода создания фрески («buon fresco»), Леонардо для достижения впечатляющего натуралистического эффекта прибегнул к специфической технике, которая подразумевала использование масла и темперы. Это вызвало прогрессирующее повреж-

Благовещение (фрагмент)

дение фрески, из-за чего ее многократно восстанавливали различные реставраторы, начиная от мастеров XVIII века до современных специалистов. Необходимо отметить, что в результате отшелушивания краски и постоянных реконструкций на стене трапезной монастыря сохранено менее 50% оригинальной живописи Леонардо.

Иконографический сюжет характерен для монастырских трапезных тех времен. Кроме установления таинства Евхаристии, на картине Леонардо изображен момент, когда Христос говорит, что его предаст один из апостолов. Его слова вызывают у учеников изумление и тревогу, что выражается в различных жестах, движениях и душевном волнении. Апостолы представлены группами из трех человек, в их душах и чувствах будто бушует ураган. Заказ на эту роспись Леонардо получил от Лодовико Моро, он же ускорил завершение работы над фреской, что произошло в 1498 году (как свидетельствует Лука Пачоли, математик, друг Леонардо). В 1854 году реставрация, проведенная Стефано Бареcci, выявила над фреской изображение фамильного герба Сфорца.

«ГОЛОВА ДЕВОЧКИ»

«Голова девочки», (ок.1500 г). Национальная пинакотека (картинная галерея), Парма. Одна из самых противоречивых и окутанных тайной работ да Винчи. Картина с изображением девочки, которой ветер растрепал волосы (название работы «la Scapigliata» по-

итальянски обозначает именно «растрепаннiз»), хранится в Национальной пинакотеке Пармы с 1839 года. Картину пинакотеке передали в дар потомки пармского художника Газтано Каллани, заявляя, что ее автором является Леонардо да Винчи. Вначале это послужило поводом для подозрений, что работа – современная подделка, созданная самим Каллани. Однако, позднее искусствоведы эту гипотезу опровергли, и на сегодняшний день считается, что картину действительно создал Леонардо примерно в 1500 году.

Самый авторитетный исследователь творчества да Винчи Карло Педретти связывал создание этой картины с маркизой Изабеллой д'Эсте, женой правителя Мантуи Франческо II Гонзага. Она была известна, как страстный коллекционер произведений искусства, и оказывала покровительство многим художникам того времени. Изабелла д'Эсте желала иметь в своей коллекции ка-

Голова девочки

Иоанн Креститель

кую-нибудь работу да Винчи, сохранилась даже ее переписка с Леонардо. В описи имущества семьи Гонзага в 1627 году упоминается «Женщина с растрепанными волосами, зарисовка... работа Леонардо да Винчи».

«ДАМА С ГОРНОСТАЕМ»

«Дама с горностаем», масло, дерево (1488-1489 гг.), Национальный музей, Краков. Это очень молодая и красивая женщина, принадлежащая к высшему сословию, о чем свидетельствует ее прическа, одеяние и украшения. Женщина держит в руках маленькое и подвижное животное. Чтобы постичь величие Леонардо, когда он изображает живую природу, нужно сблизить рассмотреть белоснежный блеск меха и дикое изящество треугольной морды горностая. Сегодня уже достоверно известно, что «Дама с горностаем» это Чечилия Галлерани 19-20 лет, которая относилась к миланской аристократии и являлась любовницей Лодовико Моро. Согласно документам Чечилия была принята при дворе правителя, и на протяжении нескольких лет ее связывали любовные отношения с герцогом Милана.

Дама с горностаем

Галлерани любила Моро, но знала, что никогда не сможет выйти за него замуж. Тем не менее Чечилия родила Лодовико сына Чезаре, который носил фамилию отца – Сфорца. По словам специалистов, ни одна мельчайшая деталь не могла попасть на картину Леонардо «просто так», в каждом элементе сокрыт тайный смысл. Горностаю, которого Галлерани держит в руках, символизирует Лодовико Моро, которого король Неаполя посвятил в рыцари «Ордена горностаев» в 1488 году.

«СВ. ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ»

«Св. Иоанн Креститель», масло, дерево, (ок. 1513-1516 гг.) Лувр, Париж. Когда Антонио де Беатис навещал Леонардо во дворце Кло-Люс, в Амбазе, в 1517 году, в мастерской художника он видел три работы: на одной из них изображены Богородица с младенцем и Св. Анной (хранится в Лувре), на

второй – «какая-то флорентийская женщина, нарисованная по заказу Джулиано де Медичи», на третьей – молодой Иоанн Креститель. Эта картина после многих тяжелых испытаний, вероятно, стараниями кардинала Мазарини оказалась в королевской коллекции Лувра во времена правления Людовика XIV. Фигура Иоанна Крестителя изображена в спиралевидном движении – его правая рука направлена вверх, а лицо наклонено влево. Радиографический и рефлектографический анализ картины подтвердил совершенство техники, которая основана на легком, почти невидимом мазке кисти, с минимальным использованием цвета. На сегодняшний день считается, что картина создана между вторым миланским и римским периодами творчества художника, примерно в 1513-1516 годах.

РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
АКАДЕМИКУ РАН В.А.САДОВНИЧЕМУ

Дорогой Виктор Антонович!

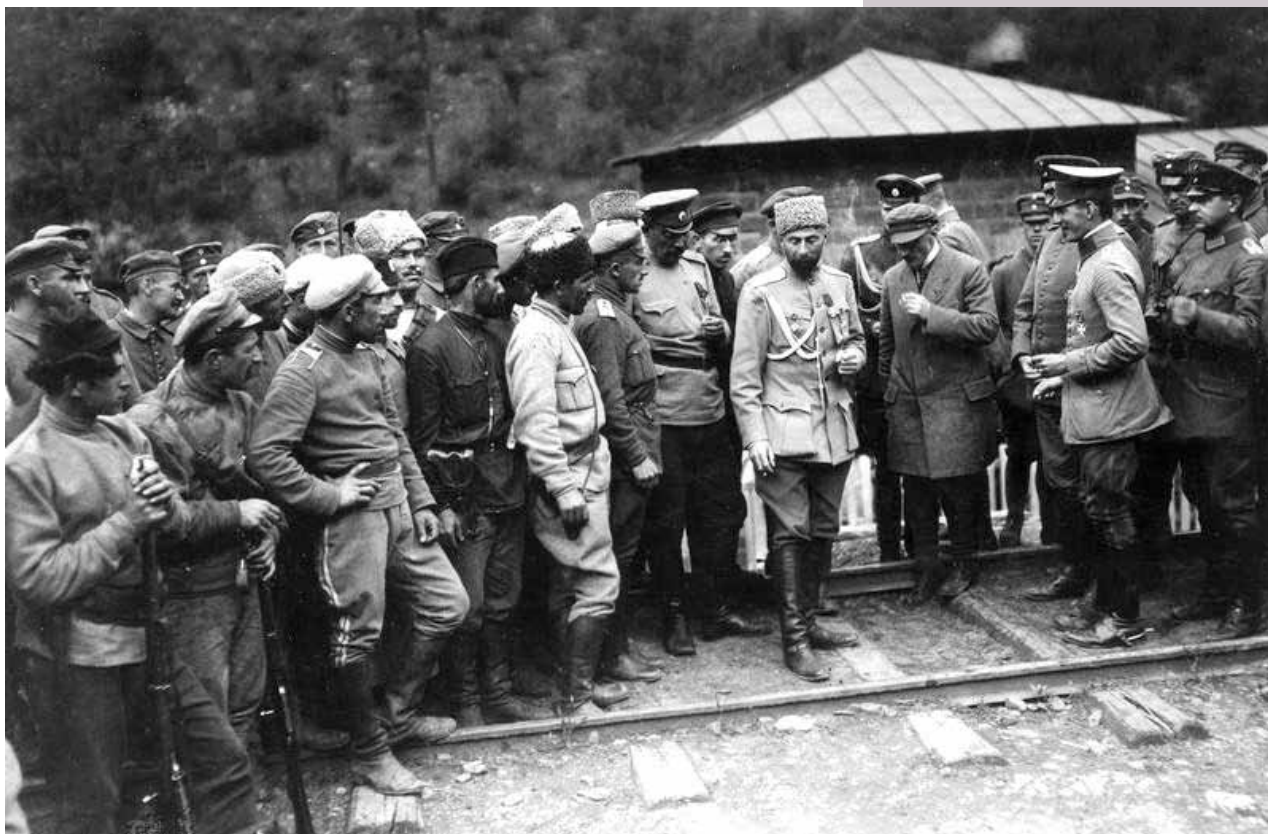
Для меня большая честь поздравить Вас со славным юбилеем, 80-летием со дня рождения. «Мои года – мое богатство». Годы, щедро отданные людям, это про Вас сказано. Ваша жизнь, полная активной деятельности, надежд, тревог и успехов, дала миру блистательного математика, уникального организатора науки и образования, внесшего неоценимый вклад в развитие современной цивилизации. Математические исследования, проделанные Вами и Вашими учениками, имели фундаментальное значение для развития космической науки, создали базу формирования эры летательных аппаратов. Надо отметить необыкновенные качества Вашего характера: гуманизм, доброжелательность и отзывчивость.

Нас связывает большая дружба, мы были одновременно избраны ректорами университетов, в те страшные годы испытаний и тревог я постоянно чувствовал Ваше участие и стремление помочь Тбилисскому государственному университету имени Иванэ Джавахишвили. Вам принадлежат полные надежд слова: «Мы, наши народы, русские и грузины, обречены на вечную дружбу». Глубоко ценим Вашу заботу о студентах и аспирантах из Грузии. Еще раз благодарим Вас за внимание, которое Вы уделяете созданному в МГУ Центру кавказологии, который вносит неоценимый вклад в отношения между нашими государствами. Навсегда остался в памяти Ваш приезд в Грузию, на юбилей ТГУ.

Поздравляя Вас со славным юбилеем, я как свидетель процессов, происходящих в мировой науке и образовании, хочу еще раз отметить Ваш титанический труд, вложенный в развитие современной науки и образования. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова является яркой звездой среди тысяч университетов на планете. Выпускники университета стали локомотивом в развитии всех сфер научной деятельности.

Уважаемый Виктор Антонович, хочу пожелать Вам крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов, благополучия и процветания Вашей семье.

Искренне Ваш,
вице-президент НАН Грузии
академик **Роин МЕТРЕВЕЛИ**

Генерал Г. Квинитадзе с грузинскими и немецкими военными

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Военные успехи молодой Грузинской Демократической Республики и принципиальные разногласия с ее руководством, первое появление в Европе грузинского мацони и девушка агента 007 Джеймса Бонда... Все это связано с именем генерала Георгия Квинитадзе. Царское правительство осыпало его наградами за героизм. Большевики, с которыми он сражался, высоко ценили его воинское мастерство. А на родине, которой он блестяще служил, увы, подтвердили невеселый библейский постулат о том, что нет пророка в своем отечестве. Грузия в полной мере воздала должное Георгию Ивановичу лишь после того, как повторно и уже окончательно обрела независимость.

Вообще-то, герой Хивинского похода 1873 года полковник

Иванэ Квинитадзе, в семье которого родился будущий генерал, появился на свет под другой фамилией – Чиковани. Но отец его отправился по делам в Турцию и не вернулся, оставив мальчика на попечение своих друзей. Тот получает домашнее образование, берет фамилию Квинитадзе и под ней, добровольцем, отправляется в армию. Став офицером, сражается на Кавказе и в Средней Азии, заканчивает службу командиром 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка, с шестью орденами. И в Дагестане, в 1874-м, у него рождается сын Георгий, который, пойдя по стопам отца, практически с детства носит военную форму.

В восемнадцать у него уже погоны подпрапорщика – после окончания Тифлисского кадетского корпуса. Еще че-

рез пару лет он – подпоручик, выпускник знаменитого петербургского Константиновского военного училища. Русско-японскую войну 1904-1905 годов Георгий встречает уже штабс-капитаном, в 152-м пехотном Владикавказском полку. Отправившись на Дальний Восток, сражается в рядах 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. А когда на сопках Манчжурии отгремели сражения, уже в чине капитана и с двумя орденами продолжает образование в Николаевской академии Генерального штаба.

Престижное военное высшее учебное заведение он оканчивает по первому разряду и в 1910 году получает под командование роту в 16-м гренадерском Мингрельском полку. Через год – свадьба с княжной Мариам Макашвили, у этой

Георгий Квинитадзе

пары появятся три дочери. К началу Первой мировой войны Квинитадзе уже два года, как обер-офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа. Он сражается на русско-турецком фронте в Закавказье, дослуживается до полковника, назначается начальником штаба 4-й Кавказской стрелковой дивизии. И особо отличается при взятии крепости Эрзерум.

Этим крупным и важнейшим сражением командовал генерал от инфантерии Николай Юденич, один самых успешных русских военачальников в Первой мировой войне, возглавивший в Гражданскую войну белую армию на северо-западе России. Квинитадзе вспоминает январь 1916 года: «В столовой штаба армии собрались начальники... Генерал Юденич обедает, иногда перекидывается словами, совершенно не относящимся к предстоящему бою. Кончили обедать. «Ну, господа, к делу.» Все насторожились и, по-видимому, приготовились долго слушать. Ведь берем Эрзерум! «Получили мой приказ о штурме Эрзерума? Так вот, назначаю часом начала атаки 8 часов вечера 28 января». И замолчал. Вот и вся речь для

штурма... Обводя взором всех, генерал Юденич увидел и меня в углу. Очевидно, прочел на моем лице полное сочувствие. «Что, Георгий Иванович, много снега на Каргабазаре?» Я показал рукой на шею. «Спуститесь?» «Надо», отвечаю. «Да, надо». И вот все. Совещание окончилось».

Полковник Квинитадзе выполняет это «надо» так, что получает золотую саблю с надписью «За храбрость» и орден Святого Георгия 4-й степени. А Февральская революция застаёт его в Тбилиси, куда он приезжает в шестидневный отпуск: «Я только что приехал с фронта, кажется, 23 или 24 февраля... В Тбилиси я не был с декабря 1915 года. Я был в должности начальника штаба 4-ой Кавказской стрелковой дивизии... Революцию в Тбилиси мы, собственно, получили по телеграфу, и первые дни ознаменовались лишь общей радостью. В Тбилиси сейчас же образовался, по примеру Петрограда, Совет рабочих и солдатских депутатов. Наряду с этим организовывались союзы и советы: польский, украинский, армянский, грузинский. Социал-демократическая партия сразу захватила фактическую власть. По примеру других образовался союз грузин воинов».

Приняв участие в создании этого союза, который «существовал недолго и постепенно умер», Квинитадзе возвращается на фронт, командует стрелковым полком, а затем, как сообщают энциклопедии, – бригадой в Грузинском корпусе. Но сам он вспоминает, что этот корпус только формировался, и «на высокие должности были назначены люди, не готовые к исполнению своих обязанностей... Иначе говоря, не польза дела важна, а что-то другое, а это другое было обеспечение утверждения социализма. Плоды такого отношения быстро сказались. Из нашего формирования ничего не вышло – корпус не сформировался».

До того, как проследить за

дальнейшей судьбой Георгия Ивановича в независимой Грузии, вспомним, какие только демократически избранные органы не регулировали жизнь страны, освободившейся от имперского бремени! С осени 1917 года – коалиционное правительство Закавказья, названное Закавказским комиссариатом. В него вошли представители грузинских социал-демократов и эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов. В начале 1918-го этот комиссариат созывает Закавказский сейм – представительный и законодательный орган государственной власти в регионе. Он состоял из членов Всероссийского Учредительного собрания, избранных от Закавказья, а также представителей политических партий Южного Кавказа. И уже этот сейм весной 1918 года провозглашает Закавказскую демократическую федеративную республику (ЗДФР). Она просуществовала всего месяц, после чего сейм был распущен и образовались три независимых государства.

Квинитадзе, никогда не вмешивавшийся в политику и никогда не входивший ни в одну пар-

Отец генерала Иванэ Квинитадзе

Знак об окончании Константиновского военного училища

тию, хочет лишь одного – делать для родины то, что он умеет. Он подчеркивает, что «в грузинском войске готов командовать даже батальоном». Но такая крайность не понадобилась. Ему присваивают звание генерал-майора, он назначается генерал-квартирмейстером штаба Кавказского фронта, а в ЗДФР – помощником военного министра. Однако при всем этом в Грузинской Демократической Республике у Квинитадзе не складываются отношения с ее руководством, несмотря на то, что он входит во вновь образованный Союз комитетов Грузии. Почему? Об этом стоит поговорить подробно, уделив особое внимание высказываниям Георгия Ивановича. Правительство не считает регулярную армию главной силой, способной защитить только что образовавшееся государство. У генерала же – диаметрально противоположное мнение:

«В жизни каждого государства вооруженные силы имеют громадное значение, а в критические моменты, когда решается его судьба, это значение является преобладающим и армия является вершителем ее судьбы... Армия есть зеркало души народа, народ в своей вооруженной силе отражает все свои достоинства, все свои недостатки, всю свою культуру, все свое развитие. Это настолько непреложный закон, что по армии, как по термометру, можно всегда сделать верные заключения о степени культурности народа, его мощи и его развитию во всех отраслях жизни... Всегда сильная, могущественная армия соответствовала высокому развитию народа, и упадок армии соответственно был показателем и предсказателем грядущего падения государства».

Прекрасно зная историю своего народа и

историю различных войн, Квинитадзе убежден: в Грузии есть все предпосылки для создания армии, способной побеждать. В первую очередь это – национальная идея, объединившая все слои общества: «Дворянство, служащие, среди которых главная масса были военные, купечество, промышленники, рабочие, народ, все, все сгруппировались около своих новых вождей. Рабочие шли за своими социалистическими вождями; крестьянство, в котором не заглох патриотизм и в котором бродили идеи независимости, горячо откликнулись на их призыв, и, конечно, дворянство, верное своим старым традициям служения народу, а также промышленники и торговый класс, и вся интеллигенция примкнули к ним... Все горели патриотизмом, желанием принести себя в жертву Родине, и все стремились облегчить работу наших новых вождей. В грузинском народе, в общей массе, не имела места классовая вражда. Всех объединяла любовь к Родине. Это была общая идея всего народа... она была могучим двигателем, охватившим все слои, и сделала то, что Грузия представляла маленький островок некоторого правопорядка и спокойствия среди кровавых бушующих волн беспредельного российского моря...».

Во-вторых, по мнению генерала, огромное значение имеет сама сущность грузинского народа: «После столетнего владычества России народ остался верен своим старым вкоренившимся в его кровь заветам, и вновь пробудившаяся в нем любовь к Родине и самостоятельности не будет сломлена большевизмом, как не сломали наших праотцев ни Шах-Абазы, ни Ага-Магомет ханы... Грузины – народ неизбежно воинственный... но с одной особенностью: в нем нет агрессивно-завоевательной жилки... грузины воевали всегда не для завоевания и не для войны, а лишь для защиты своей родины, своей национальности и веры; они никогда не начинали войны с завоевательной целью и овладевали той или другой областью с це-

Стрелковый полк на позициях в Маньчжурии

Мариам Макашвили (справа)

лю лишь обеспечения своих насущных границ и отличались терпимостью к побежденным».

В-третьих, Квинитадзе подчеркивает: «Ни одна нация, входящая в состав Русского государства, не дала такого относительно большого процента офицеров, как грузинская... В рядах русской армии во время войн грузины офицеры сильно выдвигались... Кажется, нет ни одной грузинской дворянской фамилии, представители которой не были бы на полях сражений...» И, наконец, как профессиональный военный Георгий Иванович считает, что кадров для создания армии предостаточно: «Оказалось, что из числа 25 генералов 23 генерала были награждены Георгиевскими

Наступление на крепость Эрзерум

крестами на службе в рядах русской армии. Факт примечательный. Вряд ли на каждые 25 русских генералов приходится 23 георгиевских кавалера. О штаб- и обер-офицерах я не говорю. В отношении подготовки по специальностям я должен сказать, что среди офицеров было много генерального штаба, академиков, окончивших артиллерийскую, военно-юридическую и военно-инженерную Академию; были окончившие интендантскую Академию, а также школы воздухоплавательную и военно-технические, как-то: радио, автомобильные, броневые и пр.».

Рассчитывает он и на офицеров не самых высоких чинов, и на рядовых солдат: «Были офицеры кавалеристы, бравшие призы даже за границей. Грузинские фамилии пестрели во всех стрелковых и спортивных обществах и на ипподромах... И это давала нация, составлявшая едва 2% всего населения Русского государства... Что касается солдат, то благодаря воинской повинности мы обладали достаточным запасом обученных. Во время Великой Европейской войны грузин было призвано до 155.000 человек. Надо думать, что 2/3 вернулись умудренные опытом последней войны. Итак, грузинские офицеры и солдаты представляли прекрасный кадр и материал для создания самостоятельной грузинской армии».

Резюме генерала таково: «При организации нашей армии пришлось тысячи офицеров уволить со службы за неимением штатных мест в нашем маленьком войске, и, конечно, можно было отцедить все лучшее, что помогло бы иметь армию наилучшего качества. Остальные образовали бы запас, вполне достаточный при развертывании армии для войны. Наши новые вожди, в критический момент создания государства и вооруженной силы... этого стража мирного преуспевания государства имели более, чем нужно. Грузинский народ весь объединился около них. Любовь к ро-

Георгий Квинитадзе в грузинской армии

дине, самоотверженье, прекрасный боевой кадр и материал – все было к их услугам».

Но стоящие у власти социал-демократы к офицерам царской армии относятся с недоверием. А тем более – к выходцам из аристократических семей, которых считают классово чуждыми и способными к контрреволюционным выступлениям. В противовес оставшейся после революции армии правительство создает свою военную организацию – Народную гвардию. Ею руководят партийные чиновники – патриоты, но смутно представляющие военное дело. Квинитадзе тоже не доверяют. Еще до образования независимой Грузии происходит событие, возмущившее и оскорбившее его. В январе 1918-го, находишься в гостях, он узнает, что в его доме... проводится обыск.

«Когда я приехал, то производивших обыск уже не оказалось... Обыск был произведен по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов, председателем которого был Н.Н. Жордания... У меня взяли коллекцию ружей; некоторые были мною взяты на полях сражений в Японскую и последнюю войны. Был один карабин – боевой подарок. Очень тщательно искали патроны. Их, конечно, у меня не было. Ружья лежали сложенные в открытом ящике в гостиной, под роялем, и на вопрос, обращенный к одной из моих сестер, где квартира полковника Квинитадзе и есть ли оружие, она прямо привела и показала. Она просила подождать до моего приезда. Конечно, было отказано. Вообще же обыскивающий, главный, считал, по-видимому, необходимым быть возможно грубее. Сестра говорила, что трудно было с ним разговаривать. Тщательность же обыска

С Какуцей Чолокашвили (справа) в эмиграции

доходила до того, что они искали патроны в детской среди игрушек... На эту грубость я ответил подачей в отставку. Я считал недопустимым обыск у офицера, занимающего пост помощника генерал-квартирмейстера штаба фронта. Особенно обидно было, что обыск произвели у меня, грузина-офицера, грузины же... Должен отметить, что из всего состава штаба главнокомандующего обыск был произведен только у меня».

Квинитадзе подает в отставку, но просьбу не удовлетворяют. Более того, через некоторое время его назначают главнокомандующим грузинской армии, предоставив возможность разобраться с делом, за которое он ратует. Генерал требует, чтобы общему военному командованию, вместе с армией, подчинялась и Народная гвардия, которую резко и, очевидно, не всегда справедливо критикует: «Неподчинение старшим, беспомощность начальства были основными характерными чертами этого вида войск». Правительство не соглашается с такой позицией, и летом 1918 года главнокомандующий сам уходит в отставку. Так начинается череда событий, о которых можно сказать словами Квинитадзе: «Каждый раз нас застигали врасплох, и мы спасались благодаря блестящему, бескорыстно служившему родине офицерству и патриотизму населения». В первую очередь, это относится к нему самому, родина четырежды призывала его на помощь в сложнейших ситуациях.

В первый раз это происходит в декабре 1918

С женой, дочкой и внучкой Мэриам

года во время конфликта с Арменией, которая захватила Борчалинский округ Грузии. Командовал тогда грузинской армией генерал Георгий Мзниашвили, а стать начальником его штаба правительство упростило Квинитадзе. Два опытных генерала успешно проводят операцию и выигрывают первую войну Демократической Грузии. Но Квинитадзе снова уходит в отставку, опять из-за вопроса Народной гвардии. Через пару месяцев в Самцхе-Джавахети вспыхивает восстание, инспирированное Турцией, которая хочет присоединить этот регион. Квинитадзе вновь просят занять пост главкома. Не помня обиды, он соглашается, и Грузия не только возвращает Самцхе-Джавахети, но и размещает свои гарнизоны в подчиненных туркам городах Ардаган и Артвин. Окрыленный успехом Квинитадзе опять поднимает вопрос о реорганизации армии, опять получает отказ и уходит в очередную отставку.

Впрочем, в отставках он без дела не сидит – создает военное училище, по-новому именуемое Военной школой, и одно время возглавляет ее. Интересно воспоминание этого отставника: «Находясь в отставке и посещая общественные места, я неоднократно бывал чествуем отдельными группами, а также всеми ужинающими, как офицерами, так и не офицерами. Тифлисское общество выражало мне симпатии; таковое же явление происходило и в Ахалцихе, и в деревнях, в которых мне довелось бывать».

А весной 1920-го Советская Россия начинает военную интервенцию в Закавказье, и Квинитадзе, вновь став главнокомандующим, громит авангард красных. «Война началась без всякого предупреждения, и, несмотря на то, наш представитель в Москве в это время заключал с большевиками мирный договор... На запросы нашего Правительства оттуда отвечали, что это «местный инцидент», – вспоминает генерал. – Мы нанесли поражение одной дивизии русских, они сняли вторую дивизию, но и ей нанесли по-

ражение. По нашим сведениям, у большевиков в Азербайджане имелась одна дивизия, да и то около Баку. В это же время у меня было больше 40 тысяч солдат... Мы могли все Закавказье очистить от большевиков. Это же происходило в 1920 году, когда Польша и Врангель на двух фронтах воевали с Россией... Но мы не использовали это обстоятельство».

После того, как, по его мнению, вновь ничего не делается для улучшения положения в армии, он уже в третий раз оставляет пост главнокомандующего и ограничивается преподаванием в военном училище. «Я ушел в отставку и с тоской ждал развязки. Она превзошла мои ожидания». В феврале 1921 года красные переходят в ре-

Мэриам д'Або с Тимоти Далтоном в фильме «Искры из глаз»

шающее наступление. «Наше Правительство запрашивало Москву о причине войны, и ответ получился, как и в 1920-м году, что это местный инцидент», – подчеркивает Квинитадзе, которого, несмотря на болезнь (осложнение после гайморита), в четвертый раз призывают спасать отечество. «Война проиграна, – отвечает он на этот призыв, – но драться надо».

В кратчайшие сроки мобилизовав остатки военных частей, резерв и юнкеров, он так организует оборону Тбилиси, что превосходящие в несколько раз войска наступающих несут огромные потери. Но силы все же неравны, город не удержать, и генерал умело организует отступление. Наивысшую оценку этому маневру дает... противник, командующий XI Красной армией Анатолий Геккер: «Если бы за отступление давали ордена, то Квинитадзе получил бы награду. Этим отступлением он совершил чудо».

После падения независимой Грузии генерал эмигрирует сначала в Константинополь, потом – во Францию. И даже за границей он продолжает дискутировать с земляками-эмигрантами о причинах поражения Грузинской Демократической Республики. Вновь и вновь звучит: «В 1914 году русское правительство мобилизовало 155.000 грузин. Где были эти 155.000 во время нашей войны против русских в 1921 году?.. Одной из самых главных причин, а может быть, и самой главной,

Супруги Квинитадзе в эмиграции

нашего поражения большевикам считаю неустройство или, вернее, неправильное устройство вооруженной силы».

Квинитадзе обосновывается в любимом импрессионистами городке Шату неподалеку от Парижа и первые четыре месяца получает пособие от грузинского правительства в изгнании. А затем уже приходится думать о том, как кормить семью. Генерал пытается заготавливать орехи, потом находит работу на заводе грампластинок знаменитой фирмы «Пате» и, наконец, начинает, говоря современным языком, свой бизнес. Он изготавливает и продает исконно грузинскую еду. Мацони! Белоэмигрант граф Георгий Ланздорф, которому неведомо это слово, применяет общеизвестное «йогурт». Вообще-то, йогурт в нынешнем понимании появился на Балканах, а про мацони Европа никогда не слышала. И все равно свидетельство графа о «французских йогуртах» очень интересно:

«Я часто бывал у генерала

Квинитадзе, у которого были три очень красивые дочки. Чтобы зарабатывать на жизнь, он стал делать йогурты сначала просто для семьи... У Квинитадзе были какие-то особые грибки для йогурта. До него про йогурт никто никогда не слышал. Сперва русские стали покупать этот йогурт в русских магазинах с большим удовольствием. А потом он продал лицензию какому-то французу за большие деньги, и тот сделал из этих йогуртов огромное дело в Европе. Никто не знает, что эти прекрасные французские йогурты на самом деле изобрел генерал русской императорской армии Квинитадзе».

Без общественной работы генерал не может и во Франции, где фактически проводит

Серебряная медаль «Генерал Квинитадзе»

вторую половину своей долгой жизни – 49 лет. Он – председатель Объединения бывших воспитанников Тифлиского кадетского корпуса, член Союза российских кадетских корпусов, Союза Георгиевских кавалеров, «Парижского блока» и «Грузинского демократического союза». Все три его дочери удачно выходят замуж: Эльза и Тамара – за грузин-эмигрантов, а Нино – за англичанина с голландскими корнями Д'Або. От этого брака появляется на свет Мэриам, ставшая известной всему миру, как девушка Джеймса Бонда. В 1987-м она снимается в пятнадцатом фильме об агенте 007 «Искры из глаз». Если исполнителя главной роли Тимоти Далтона многие критикуют за недостаточную для его героя брутальность, то очаровательной чехословацкой снайпершей-виолончелисткой Карой Миловы в исполнении Мэриам все восхищаются и поныне.

Триумф своей любимой внучки генерал не увидел. Кавалера семи орденов, без единой царапины прошедшего несколько войн, побеждает возраст. В 1970-м Квинитадзе получает смертельную травму, оступившись на лестнице на глазах дочерей и будущей кинозвезды... Ему было 96 лет...

Георгий Квинитадзе покоится на кладбище в Шату рядом с женой. Лишь в первом десятилетии XXI века в Тбилиси появилась улица его имени, и на торжественную церемонию, связанную с этим, приехали Нино и Мэриам Д'Або. А в грузинской армии учреждена серебряная медаль, которой награждаются офицеры штабов и управлений за «достижения в военном деле и укрепление боевой готовности Вооруженных сил». Она называется «Генерал Квинитадзе». В честь человека, заявившего: «Нет пули, которая бы меня убила, ведь я происхожу из страны, которую не раз убивали, но она не умерла!»

Эдуард Стрельцов с кубком СССР. 1968 г.

НАРОДНЫЙ КУМИР

■ **Демико ЛОЛАДЗЕ**

Автор этого материала в нынешнем месяце отмечает юбилей. Фотожурналисту и писателю Демико Лоладзе исполняется 75 лет. Количество его званий, наград и число творческих работ поистине потрясают. Он – член Творческого союза писателей, Союза художников, Ассоциации спортивных журналистов Грузии, заслуженный педагог, заслуженный спортивный работник Грузии. Он – лауреат семи премий: Давида Агмашенебели, Тбела Абусеридзе, Якова Гогешвили, Мемед Абашидзе, Нико Николадзе, Сергея Месхи, Гайдара Абашидзе, Михаила Какабадзе. Он награжден тремя медалями: Иванэ Джавахишвили, Георгия Николадзе и Якова Гогешвили. Он – обладатель званий «Почетный тбилисец» и «Попечитель Тбилиси», автор более пятидесяти книг и сборников, свыше десяти фотоальбомов.

«Русский клуб» поздравляет столь титулованного и плодовитого автора с юбилеем. Желаем Демико Лоладзе здоровья, успехов в его многогранном творчестве и очередных наград!

В 1958 году сборная Советского союза по футболу впервые должна была принять участие в чемпионате мира. Честь команды защищали первоклассные мастера кожаного мяча – Лев Яшин, Юрий Войнов, Валентин Иванов, Никита Симонян, Сергей Сальников, Игорь Нетто, Константин Крижевский... Но даже на их фоне бесспорно выделялся 20-летний Эдуард Стрельцов – восходящая звезда футбола. Однако за несколько дней до отъезда в Швецию его, кумира огромной армии болельщиков, правоохранительные органы задержали на тренировочной базе сборной.

Как оказалось позже, обвинение было сфабрикованным. Тем не менее, против Стрельцова в срочном порядке возбуждено уголовное дело, Всесоюзный спорткомитет, не дождавшись судебного приговора, вывел его из состава сборной и пожизненно дисквалифицировал. Ослабленная сборная СССР отправилась на чемпионат мира, а болельщики были в шоке от решения тогдашнего руководства страны: Никита Хрущев лично распорядился о строжайшем наказании Стрельцова. Приговор – 12 лет лишения свободы, с направлением на тяжелые работы.

В обвинение, предъявленное ему, мало кто верил. Люди, знавшие Стрельцова близко, не могли представить Эдика в роли насильника. Чтобы полнее представить этого футбольного самородка, уместно привести высказывание А.Нилина, автора литературной записи книги Стрельцова «Вижу поле...»:

«Когда после чемпионата мира в Швеции заговорили о Пеле, без сравнения со Стрельцовым нельзя было обойтись – ведь перед началом чемпионата предполагалось, что Стрельцов станет главным его открытием, во всяком случае, незамеченным не останется.

Стрельцов начинал в большом футболе так же рано, как и Пеле. И к началу мирового первенства был опытнее, чем тот. Опыта бразильцу тогда не хватало – не случайно же на большинство специалистов, побывавших в Швеции, самое сильное впечатление в команде чемпионов мира произвел не

Олимпийский чемпион 1956 года
Э. Стрельцов

Пеле, а Гарринча.

Пеле же тогда, прежде всего, поразил своей молодостью. И ревнуя бразильского юношу к сразу пришедшей к нему мировой славе, наши любители футбола, огорчаясь, досадуя, вспоминали, конечно, Стрельцова, оказавшегося вне игры. Обида за него как-то незаметно переросла в обиду на него. Но обида эта и подтверждала истинную величину Стрельцова в футболе».

Перед началом первенства мира, когда сборная СССР приехала на первый в своей биографии мировой чемпионат без торпедовца Стрельцова, а сборная Англии – на свой третий чемпионат без ведущих игроков клуба «Манчестер Юнайтед», трагически погибших незадолго до этого в авиакатастрофе под Мюнхеном, мировая пресса писала: «Две сборные приехали на финал мирового чемпионата, понеся большой урон еще до его начала». Символично, не правда ли: одна команда – без Стрельцова, а другая – почти без половины состава, и обе потери выглядели одинаково. Правда, из сборной также отстранили

Молодой Э. Стрельцов на тренировке

опытных молодых московских спартаковцев Бориса Татушина и Михаила Огонькова, но, если честно, их нельзя было ставить вровень со Э. Стрельцовым.

Для того, чтобы молодой читатель имел представление, о ком идет речь, приведу высказывания людей компетентных в футболе. Альф Рамсей – тренер сборной Англии, победившей на чемпионате мира-1966, сказал о Стрельцове: «Он ничем не хуже Пеле, а даже атлетически лучше». Знаменитый тренер Константин Бесков отметил, что Пеле, Марадона и Стрельцов стоят на одном уровне. Валентин Иванов, составивший неповторимый тандем со Стрельцовым, утверждал: «Такого футболиста, как Стрельцов, я не встречал, и надеюсь, что никогда не встречу». А вот слова Муртаза Хурцилава, который неоднократно выступал вместе со Стрельцовым в сборной СССР и играл против него в чемпионате СССР: «Труднее всего играть против тех, кто едва ли не каждым своим движением загадывает тебе загадку. К таким форвардам я относил Стрельцова. Играть против него было нелегко, но приятно. Все время держал тебя настороже, бросал вызов: давай состязаться в сообразительности, находчивости! Выиграть такой поединок – одно удовольствие!»

...В начале 1954 года старший тренер московского «Торпедо» Николай Морозов объ-

явил: «Думаю, что в основном составе команды уже в начале сезона болельщики увидят 17-летнего Эдуарда Стрельцова, который в прошлом году играл в молодежной сборной. Высокий, стройный, быстрый, с хорошим ударом – это качества талантливого спортсмена». Вскоре его слова сбылись, рядом с Ивановым появился юный Стрельцов. В истории московского «Торпедо» началась новая эра.

Старшее поколение любителей футбола впервые услышало о Стрельцове в 1954 году. 4 апреля, в первый игровой день первенства СССР на стадионе «Авангард» в Харькове, «Торпедо» встречалось с местным «Локомотивом». Дебютанту, вышедшему на замену, не было еще и 17 лет. Выходил он на замену и во втором туре, опять в Харькове – играли против «Трудовых резервов» Ленинграда. Эти два выступления оказались достаточными, чтобы по всему Союзу пронеслась весть о футболисте-вундеркинде, который творит чудеса

13 апреля 1954 года в Тбилиси на стадионе «Динамо» за день до встречи с хозяевами я стал свидетелем тренировки московского «Торпедо». Несмотря на дождь, собралось было 3000 болельщиков, все хотели увидеть восходящую звезду футбола. А на следующий день стадион был забит, седьмым номером в команде гостей вышел тот,

кого с нетерпением ждали. Эдуард Стрельцов оправдал надежды: в одной из атак он открыл счет, это был его первый гол в первенстве Союза. Ту встречу динамовцы выиграли 2:1.

Через несколько десятков лет Стрельцов в своей книге так вспоминал эту игру и забитый мяч: «С тбилиским «Динамо» меня уже с самого начала матча поставили играть. Игра трудно складывалась, в тбилисской команде народ был умелый, знаменитый, в нападении Автандил Гогоберидзе выделялся – он в тот год и в сборную пошел. Во втором тайме наш тренер Морозов замену произвел. Я подумал, что меня меняют. Нет – остаюсь. Только с левого края на правый перехожу. Обрадовался, разыгрался. На себя стал игру брать – вижу, что даже двух защитников обыграть мне по силам. В один из моментов пропихнул мяч у защитника между ног, развернулся и в верхний угол с левой ноги пробил – у тбилисцев известный вратарь стоял, Владимир Марганиа...

А мяч после такого удара, как ребята шутили, из ворот надо было трактором вытаскивать – получился удар!

Почему-то не мяч в сетке помню, а трибуны кричащие – ко мне публика в Тбилиси сразу как-то по-особенному отнеслась и всегда потом хорошо меня встречала. Вот в Тбилиси и сложились мои отношения с футбольной публикой».

В 1954-м он сыграл в 22-х играх из 24-х и забил 5 мячей. В том же году провел свой первый кубковый матч. А после завершения сезона знаменитый тренер Виктор Маслов первым сказал об Эдуарде, что это будет великий футболист. Следующий год – год начала карьеры Стрельцова в сборной СССР. По итогам чемпионата страны он – лучший бомбардир: 15 мячей в 22-х матчах, проведенных без замены. Определилось и его амплуа – центральный нападающий. Старший тренер сборной Гавриил Качалин включает Стрельцова в состав сборной, дебют состоялся 26 июня в Стокгольме, где будущие олимпийцы буквально торпедируют шведскую команду – 6:0! Первый хэт-трик 17-летнего Эдуарда

Стрельцова изумил шведских зрителей и специалистов, окрестивших его «русским танком» из-за невозможности удержать. Игра в Стокгольме выделила и будущий футбольный дуэт «Иванов-Стрельцов».

На Олимпийских играх в Мельбурне 1956 года Стрельцов играет все матчи, кроме финальной игры против югославы. Он выделялся в команде, но в финале тренеры сборной СССР вывели связку нападающих московского «Спартака» – Татушина, Анатолия Исаева, Никиту Симоняна, Сергея Сальникова, и Анатолия Ильина, который забил победный гол. Тогда золотые медали вручали только участникам финальной игры. Симонян получил эту награду, но никакой радости не чувствовал, дважды говорил Стрельцову: «Эдик, эта золотая медаль не моя. Она твоя. Ты ее заслужил, можешь взять ее себе». Стрельцов сразу же наотрез отказался, а во второй раз рассердился: «Если еще раз предложишь свою медаль, обижусь». А в начале 1957 года в Кремле состоялся праздничный прием олимпийцев. Среди них был Эдуард Стрельцов,

которому присвоили звание «Заслуженный мастер спорта».

Я много раз был заморожен высоким мастерством и талантом Стрельцова, несмотря на то, что много раз он нас огорчал. В сентябре 1957 года в розыгрыше кубка СССР в Москве тбилиское «Динамо» проиграло торпедовцам 6:1, пять мячей забил Стрельцов, а один – Слава Метревели, который тогда играл за москвичей. Можете представить, в каком состоянии был молодой вратарь Серго Котрикадзе... В апреле 1958-го в Тбилиси торпедовцы опять разгромили нашу команду – 6:1, опять забил Стрельцов. Вообще же, в Советском Союзе не было команды, которой бы не «досталось» от Стрельцова. Он был непревзойденным мастером – сильно бил обеими ногами, великолепно владел техникой ведения мяча, давал такие пасы пяткой, которым позавидовал бы Зидан. Противники были в растерянности.

4 февраля 1963 года Стрельцова освободили досрочно, но о возвращении в футбол речи не было, так как у власти находился Хрущев. Он начал трениро-

Знаменитый пас пяткой Э. Стрельцова

Э. Стрельцов в атаке

ваться в команде московского автозавода имени Лихачева, и именно коллектив автозаводцев помог ему вновь выйти на поле. На одной из встреч за первенство Москвы Стрельцов опять был на скамье запасных, и зрители так протестовали против этого, что был большой шанс возникновения беспорядков. Поэтому решили ввести Эдуарда в игру.

Вся страна недоумевала, почему выдающемуся игроку закрывают дорогу в большой футбол. На этот вопрос однажды ответил в узком кругу капитан сборной СССР Альберт Шестернев: «Если Стрельцов вернется в команду мастеров, уже через месяц станет очевидно, что его место в сборной. А они там, наверху, и помыслить не могут, чтобы бывший зэк защищал первую команду». И все же, Стрельцов вернулся в родное «Торпедо», а вскоре, как и предсказывал Шестернев, и в сборную.

В составе торпедовцев он появился в Одессе, в товарищеском матче против «Черноморца» 25 июня 1963 года. Стадион был переполнен, все хотели увидеть звезду, вернувшуюся в футбол. Игра началась на полчаса позже, так как болельщики пришли на стадион с подарками, цветами и фруктами, и каждый хотел лично позжать руку великому игроку. «Торпедо» выиграло 2:0, оба гола забил Стрельцов. Но, несмотря на это, в матчах за первенство Советского Союза его не включали в основной состав. Лишь после ухода Хрущева

лояльно настроенный Брежнев не помешал футбольным чиновникам в 1965-м вернуть в большой спорт Стрельцова, который вновь своей игрой дарит неописуемую радость болельщикам. В тот же год «Торпедо» становится чемпионом страны.

4 июля 1965 года в Москве двукратный чемпион мира сборная Бразилии в товарищеском матче побеждает хозяев 3:0. Стрельцов этот матч смотрит с трибуны. А ведь его появление на поле вместе с Пеле было бы незабываемым...

В 1966 году Стрельцов вновь возвращается в сборную. Но это произошло после чемпионата мира в Англии, куда его, «невыездного», не выпустили. В 1967-68 годах его назвали лучшим игроком СССР, в 1968-м вместе с командой он - обладатель кубка СССР. Ему заново присвоили звание заслуженного мастера спорта. А свой последний гол в ворота тбилисского «Динамо» любимый футболист старшего поколения болельщиков забил в ноябре 1968 года.

Все, кто в течение многих лет верили в него, не ошиблись — Стрельцов возродился, как загадочная птица Феникс, он вновь взошел на футбольный небосклон, но уже совершенно другим «стрельцом», перевоплощенным, что еще больше подчеркнуло его необыкновенную одаренность. Судьба сделала из него двух разных футболистов — периода 1954-48 годов и после 1963 года. В первой половине

своей футбольной карьеры он был игроком, который изматывал, сокрушал и таранил оборонительные линии своими мощными рывками. Если это было возможно за счет его молодости, то продолжение карьеры Стрельцова характеризовалось сверхискусными маневрами, с хитроумными пасами, которые мало кто мог разгадать.

С 1965 года я встречал Стрельцова на каждой игре и фотографировал его. Берегу эти фотографии. Несколько раз взял интервью. Не забуду встречу во Дворце спорта на турнире по мини-футболу им М. Месхи. Какими овациями встретили зрители знаменитого ветерана футбола Э. Стрельцова!

Памятник Э. Стрельцову в Москве

К сожалению, великолепный футболист скончался на второй день после своего дня рождения в возрасте 53 лет. Годы, проведенные в тюрьме, подкосили его здоровье. Кумир миллионов болельщиков Эдуард Стрельцов остается самой драматичной фигурой советского футбола. Его уголовное дело так и не было пересмотрено, приговор остается в силе и по сей день.

Элгуджа Бердзенишвили

ЭТИМ КРАСКАМ НЕ ДАНО ПОТУСКНЕТЬ

■ **Эмзар КВИТАИШВИЛИ**

Перевод Камиллы Мариам Коринтэли

...Угасла жизнь выдающегося мастера кисти и слова Элгуджи Бердзенишвили. 25 декабря 2018 года ему исполнилось 93 года и через 7 дней, 1 января 2019 его не стало. Перестало биться его доброе и щедрое сердце, которое всем желало радости, счастья и не знало зависти и злобы. Нарушилась целостность плотской оболочки прекрасной личности, но сознание до последнего вздоха осталось ясным, незамутненным. Он ушел, унося с собой множество творческих замыслов, планов...

С Элгуджей Бердзенишвили и его друзьями я познакомился еще в юности в Кировском (ныне Верийском) парке. Здесь по вечерам собиралась творческая молодежь 60-х, засиживаясь до глубокой ночи, обсуждая футбольные матчи и споря об искусстве. Почти все они минимум раз были исключены из Академии художеств по обвинению в формализме, но впоследствии восстановлены. В те времена малейшее отступление от социалистического реализма строго каралось чиновниками,

правлящими академией.

Кировский парк посещал и брат Элгуджи, в дальнейшем один из выдающихся скульпторов современности. Постоянными посетителями парка были Зураб Нижарадзе, Элгуджа Амашукели, Резо Тархан-Моурави, Эдмонд Каландадзе, Джибсон Хундадзе, Александр Бандзеладзе, Нодар Малазония, Коки Махарадзе, Леван Цуцкиридзе, Дима Эристави, Джуна Микатадзе, Гулда Каладзе, Тенгиз Мирзашвили, Вахтанг Давитаиа, Гиви Тоидзе, Кока Игнатов, Гоги Церетели и многие другие.

Тут же, неподалеку, располагались замечательные представители грузинской литературы – Чабуа Амирэджиби, Нодар Думбадзе, Арчил Сулакаури, Эдишер Кипиани, Мухран Мачавариани, Шота Чантладзе, Шота Нишнианидзе, Гиви Дзnelадзе, Резо Инанишвили, Арли Такашвили, Тамаз Чхенкели, Нодар Гурабанидзе, Гурам Панджикидзе, Тамаз и Отар Чиладзе, Заур Болквадзе, Анзор Салуквадзе, Гиви Гегечкори, Джансуг Чарквиани, Гурам

Рчеулишвили, Важа Гигашвили, Гурам Гегешидзе, Нугзар Церетели, Эрлом Ахвледiani, Зураб Кикнадзе, Гиви Шахназари, Вахушти Котетишвили, Давид Цередиани, Виктор Рцхиладзе, Бесик Адеишвили...

С Элгуджей Бердзенишвили мы сблизились сразу. Он был заядлый книголюб. Некоторые тогда даже считали, что он больше привержен к чтению книг, нежели к занятиям живописью. Однако никто не мог отрицать, что он наделен особым даром живописца. Мы с ним делились впечатлениями от свежепрочитанных книг. Я уверен, он и тогда писал прозу, но никому о том не говорил. Надо сказать, что рассказчиком он был замечательным.

Страстный поклонник древнегреческого искусства и образа жизни древних греков, Элгуджа понимал и чувствовал мир, красоту жизни так же, как они, природа для него была живым существом, как сам он признавался – «в этом я настоящий язычник».

Многому он учился у великих мастеров Ренессанса – Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Боттичелли, Верроккьо, Тициана, преклонялся перед «вечно живым искусством, которое превращает прошлое в настоящее». Однажды я сказал ему: «Когда ты одеваешь свой берет, становишься похожим на автопортрет Тициана, и с возрастом ты стал таким же плодовитым, как он». Элгуджа промолчал, но улыбнулся.

Ему не свойственно было оставаться в рамках какой-либо одной эпохи, и это придавало масштабность его взглядам. Любимой книгой Элгуджи были дневники Делакура. Он с удовольствием вспоминал восторженные письма Бодлера о великом французском живописце. По его мнению, лучше всех понимают художников поэты и в доказательство приводил Аполлинера, который самоотверженно поддерживал художников новых направлений – кубистов и сюрреалистов.

Греческий мотив

В творчестве Элгуджи Бердзенишвили особое место занимала Испания. Путешествие по Пиренейскому полуострову он считал счастливейшим событием своей жизни. Впечатления от посещения знаменитого мадридского музея Прадо не тускнели в его памяти. Он часами мог рассказывать о полотнах Веласкеса, Сурбарана, Гойи, Эль Греко. Испанские мотивы, образы, оставив прекрасный и неизгладимый след в его душе и воображении, естественно влились в его творчество.

Последние два месяца его донимали приступы желчнокаменной болезни и невыносимые боли в пояснице. Он с трудом передвигался по квартире, с трудом сгибался и разгибался. На какое-то время боли отступали под действием лекарств, но работать ни кистью, ни пером он не мог. Это его глубоко удручало. Единственное, что оставалось в утешение – это неразлучные спутники всей его жизни, книги, их он читал и перечитывал.

25 декабря на католическое Рождество близкие поздравили его с 93-летием. А через 7 дней, стоя, подобно древним хевсурским рыцарям – встретил он смерть.

Феномен смерти был предметом его раздумий и одной из важных тем его творчества. Смерть появлялась в его произведениях иной раз в конкретном суровом облике, облачении, и тогда невольно вспоминались кошмарные новеллы Эдгара По. С большим мастерством, с лиризмом, в меру разбавленным гротеском, написан рассказ «Таков обычай». Здесь смерть, эта неминуемая участь человека и всего живого, не столь ужасна и не возбуждает чувства страха. Автор взирает на свою смерть и погребение глазами покойного. Лаконичная фраза, как бы произносимая покойным, – «Таков обычай», рефреном сопровождающая описание многовекового ритуала, каждый раз приобретает особый оттенок. И при всем том, а может вопреки, рассказ Элгуджи Бердзенишвили преисполнен не только красотой и силой, но неодолимым стремлением и любовью к жизни. В подтверждение приведу маленький фрагмент: перед выносом усопшего появляется необыкновенно красивая золотоволосая юная дева с букетом фиалок в руках. Она склоняется над усопшим и рассыпает ему на грудь букет фиалок.

«Золотая коса ее скользнула на меня... Она вмиг повернулась и ушла. Присутствующие зашептались, но я не понял, почему. Только что-то вспомнилось мне, виной тому был аромат фиалок. Он увел меня далеко, очень далеко, он напомнил мне деревню, весну, яблони в цвету... Мама послала меня к источнику, там, в ущелье стоял огромный бук, и из-под его корней тихонько капала вода. Долго ждал я, пока капли наполнят медный тунги-кувшин... В замшелый деревянный желоб капала вода... И вот там, на пригорке неподалеку я впер-

вые увидел такое бесчисленное множество, такое буйство фиалок! Фиалки были повсюду, куда не кинь взор, – и под замшелым деревом, и поверх каменной ограды – везде цвели фиалки. Я прилег на прохладную траву и стал вдыхать нежнейший аромат жизни...».

Вчитаемся в строки этого фрагмента. Нетрудно будет узнать в прекрасной золотоволосой незнакомке увековеченную гением Боттичелли юную богиню Венеру. Да, это она с ее длинной золотой косой, стоящая на большой белой раковине среди пенящихся морских волн. В творчестве такого художника, как Элгуджа Бердзенишвили, столь прозрачная реминисценция не удивительна, более того – органична для его внутреннего мира, его идеалов, мироощущения и творческих интересов.

Выше я говорил о том, каким увлеченным читателем был Элгуджа. Кнута Гамсуна и его ранние романы – «Виктория», «Пан», «Мистерии», – он особо выделял, на сюжет «Мистерий» создал замечательные графические иллюстрации. «Мадам Бовари» и «Саламбо» Флобера считал высшим проявлением писательского мастерства, а «Хаджи-Мурат» Л. Толстого – непревзойденным произведением, созданным на документальном материале. Знал наизусть самые сильные пассажи из романов Ф. Достоевского. Любил перечитывать «Волшебную гору» и «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Очень привлекали его Франц Кафка, Марсель Пруст, Фолкнер с его головокружительным динамизмом. Предметом его постоянного восхищения были исландские саги с их суровой правдивостью и лаконизмом, когда одной сжатой фразой сказано столь многое. Особенно нравилась ему «Нил-сага», безупречно переведенная Георгием Джабашвили. Этому произведению он посвятил интересное эссе. На его рабочем столе неизменно лежали «Диалоги» Платона в переводе выдающегося переводчика, пи-

сателя Бачаны Брегвадзе. Элгуджа считал, что мало кто из современников внес столь значительный вклад в грузинскую культуру, как Бачана.

С глубоким сожалением вспоминал он безвременно погибшего Гурама Рчеулишвили. Молодой, полный творческих и физических сил автор «Смерти в горах» тогда, в 60-м, не подзревал, что очень скоро сам встретит ее, спасаясь в штормовом море, и не успеет заявить свой яркий талант во весь голос.

С большим вниманием и профессиональным интересом относился Элгуджа Бердзенишвили и к творчеству друга юности Гурама Рчеулишвили – Гурама Гегешидзе. Недавно опубликованный роман Г. Гегешидзе «Угасание света», в котором автор с эпическим спокойствием повествует о тяжелейшей участи Грузии с 50-х годов вплоть до распада Советского Союза.

Элгуджа Бердзенишвили внимательно следил за современным литературным процессом, всегда радовался успехам наших писателей. Незадолго до кончины он поделился со мной впечатлением от небольшого сборника рассказов «Сон» ученого, биолога Левана Мухелишвили (сына известного историка Давида Мухелишвили). Его рассказы, как сказал Элгуджа, напомнили ему прозу Борхеса. Живопись и литература, книга, для него были неразоторжимы, он жил в этом прекрасном мире. Он готовился к написанию, как сам говорил, особого романа. Знал, с чего начать и чем закончить это произведение, собирался использовать в нем богатый опыт своей жизни. Все было продумано, оставалось засесть и писать, писать... Но – не довелось. Не хватило жизни.

Александр Блок с глубоким уважением относился к прозе художников. Подобно многим он считал, что художники воспринимают мир с детской непосредственностью, что они избегают лишних эпитетов, вся-

ческих украшений, благодаря чему достигается классическая простота. Проза Элгуджи Бердзенишвили именно такая. Он много и напряженно работал над точностью и пластикой фразы. Каждый его рассказ имел варианты. Многие он порвал и уничтожил. Характерной особенностью его прозы является мифологизм, совершенно свободный от какого-либо схематизма. В своеобразно осмысленные предание или историю он с большим вкусом вносил поэтические картины, что придавало особую свежесть и привлекательность непринужденному повествованию. В качестве примера вспомним хотя бы рассказ «Творение», в котором он магией своего воображения воскресил и вдохнул новый дух в много раз обработанный миф о Пигмалионе и Галатее.

Безусловно не пустые слова, что поэзия произошла из мифа, питалась мифом и впоследствии отделилась от мифа. Величайший знаток античной поэзии и искусства, до корней постигший их бесчисленные закономерности и тайны Фридрих Шлегель не зря писал: «Истоком всей культуры, всех учений и наук греков был миф». Это прежде всего касается художественного слова – поэзии и прозы.

Года два назад журнал «Русский клуб» опубликовал великолепное эссе Элгуджи Бердзенишвили «Фантазия живописца» в переводе Камиллы Мариам Коринтэли, в котором автор своеобразно и оригинально показывает творческие особенности двух великих мастеров – Сальвадора Дали и Поля Сезанна. Финал эссе неожидан и великолепен: под нарастающий перезвон колокольчиков возникает пейзаж Ла Манчи и два всадника, один на лошади, другой на осле, в которых безошибочно можно узнать Дон Кихота и Санчо Пансу. Слышится их негромкий диалог с подтекстом, из которого все становится ясным. Передать это невозможно, это нужно прочитать.

Жемчужинами дивного оже-

релья блистают небольшие эссе Элгуджи о его любимых художниках, например, о Ван Гоге, полотна которого он с восторгом и благоговением созерцал в Москве, в музее Пушкина. Под впечатлением от картины «После дождя» он написал эссе «Розы Ренуара» и другие, которые он собирался опубликовать.

Об Элгудже Бердзенишвили можно смело сказать, что он с равным мастерством владел магическим искусством и живописи, и графики. Воссозданные его кистью красивейшие пейзажи его родной Гурии (многие из них он раздарил) очаровывают необычайным богатством красок и поэтичностью.

Прекрасны его портреты, например, портрет девочки, замечательный портрет знаменитой грузинской певицы, первой исполнительницы джаза Гиули Чохели и другие. В портретах, как и в любой другой работе, можно сразу узнать неповторимую манеру Элгуджи Бердзенишвили. Virtuозна его линия, что прежде всего проявилось в книжной графике. Я не стану перечислять его работы, но необходимо выделить из них одну – это иллю-

Нана

страции к школьному учебнику «Дэда эна» («Родная речь»), выполненные Элгуджей Бердзенишвили по просьбе известного литератора Вахтанга Родонаиа. Здесь подлинный праздник красок и линий производит неотразимое впечатление.

У Элгуджи было развито чувство благодарности. Особенно ярко оно проявилось в опубликованном им в газете «Литэратурули Сакартвело» («Литературная Грузия») воспоминании о его первом педагоге рисования, воспитателе многих поколений во Дворце пионеров и школьников, Григории Месхи. Это воспоминание получило большое одобрение читательской общест-венности. Из педагогов Академии художеств Элгуджа глубоко уважал и чтит великого Серго Кобуладзе, художника ренесансного взлета, репродукции творений которого (гениальный портрет Данте, несравненные иллюстрации к «Вепхисткаосани») украшали стены его рабочей комнаты.

Более года назад Фонд культуры Грузии, руководимый выдающимся инженером, академиком Тамазом Шилакадзе

(ранее председателем этого фонда был Мераб Бердзенишвили), решил представить Элгуджу Бердзенишвили к премии имени Эквтиме Такашвили и вручить ему памятную медаль. Только лишь благодаря глубокому почтению к имени этого подлинно Божьего человека, Эквтиме Такашвили, Элгуджа не отказался от награды. Торжественная церемония состоялась в построенном Мерабом Бердзенишвили культурном центре «Муза». Сам Элгуджа по состоянию здоровья прийти туда не смог, но из своего дома он тепло приветствовал и благодарил присутствующих, и мы видели его лицо на экране.

Я не встречал в жизни человека, у которого было бы такое непорочное и такое доброе, без тени зависти, сердце, как у Элгуджи. Он был на редкость скром-ен. Ни разу не устроил персональной выставки, не стремился ни к каким регалиям, звание заслуженного художника Грузии уступил своему коллеге и прожил всю свою жизнь так, что никакой помощи ни от ка-кого правительства не просил и не получал. Зато Мераб Бердзенишвили, пока был жив, всег-

да заботился о младшем брате. Единственный альбом его работ издал Мераб, как и два объемистых сборника прекрасных рассказов.

Я намеревлся сделать большое интервью с Элгуджей. Он подобные вещи не любил, но мне не отказал. «Только немного подожди», – сказал он мне. Я заранее составил вопросы, и он знал, о чем мы будем говорить. Я попросил его рассказать о Мерабе что-нибудь, чего кроме него никто не знал. Он согласился. Но я и сам никак не мог выбрать день, когда мы с ним могли бы спокойно засесть за работу. Ничего не должен человек откладывать. Сейчас я очень сожалею об этом.

Помню, как-то раз я уходил от него, и он меня провожал. Когда я уже спускался по лестнице, Элгуджа, улыбаясь, сказал мне: «Знаешь, это я тебе говорю не для прессы, если я что-то сделал в живописи или в литературе, так это благодаря холоду и Нате»...

Элгуджа не любил холод, не любил зиму. Уже с наступлением осени он тепло одевался и предпочитал не выходить из дому. Читал, писал и рисовал. Рядом всегда была и помогала жена – Ната Джанелидзе, прекрасный германист, которая несколько лет назад, к его несчастью, скончалась. Остались пять замечательных портретов, созданных им. Именно калбатони Ната втайне от него принесла его рассказ «Хасанбегура» известному писателю, редактору и общественному деятелю Вахтангу Челидзе, который сразу же опубликовал его в редактируемой им «Литэратурули Сакартвело» («Литературной Грузии»).

В современной грузинской прозе не много найдется рассказов, которые можно поставить рядом с «Хасанбегура» Элгуджи Бердзенишвили. Это истинный шедевр. Признанный классик грузинской прозы Резо Инашвили, чье мастерство, стиль и глубочайшее знание тонкостей грузинского языка общеизвестны, выразил свое восхищение этим рассказом, излучающим

Испанки

«библейский незамутненный свет». То, что Элгуджа Бердзенишвили смог показать, открыть словами песни «Хасанбегура», – это большая виртуозная литература», – так оценил Резо Инашвили этот рассказ.

Наш дорогой Элгуджа Бердзенишвили не мог бы пожаловаться на краткосрочность его жизни. Тем не менее столько чего осталось неосуществленным. Остались эскизы нескольких полотен – большой букет цветов и характерные только для его манеры письма фигуры женщин и мужчин. Благодаря этой манере из тысяч узнаешь работу Элгуджи. Остался ненаписанным от начала до конца продуманный роман и сравнительно малые прозаические сюжеты, которые дальше замысла не пошли.

Мне вспоминаются слова очень своеобразного русского поэта и безупречного переводчика поэзии Поля Валери и «проклятых поэтов», эссеиста, человека колоссальной эрудиции, Вадима Козового, которого я близко знал (с 80-х годов он жил в Париже, где и умер). Когда в глубокой старости скончался его старший друг, выдающийся французский поэт и график Анри Мишо, Вадим написал мне в письме: «Смерть таких людей всегда преждевременна». То же самое относится и к Элгудже Бердзенишвили.

В мой прошлый визит, оказавшийся, увы, последним (тогда он уже не мог держать в руке перо), он прочитал мне свой новый рассказ, написанный с присутствием ему мастерством, в основе которого лежала грустная история, происшедшая с отцом известного грузинского режиссера Вахтанга Таблиашвили.

Когда в древнем Кутаиси бывшие власти тех лет варварски взорвали прекрасный мемориал Победы в Великой Отечественной войне, творение Мераба Бердзенишвили, Элгуджа не меньше самого автора переживал это позорное событие, как и второй подобный факт, совсем уже ничем не объясни-

мый: великолепная скульптура великого царя Грузии Давида IV Агмашенебели (Строителя) была перенесена с одной из центральных площадей Тбилиси на Дигомскую трассу, фактически на задворки, в малодоступное место, где она почти и не видна. Думаю, тут комментарии излишни. Остается надеяться, что современные власти постараются поскорее исправить то, что еще возможно исправить, и вернут скульптуру Давида Агмашенебели на подобающее ему место.

Элгуджа Бердзенишвили относился к числу тех людей, которые глубоко входят в сердце. Открытый дружбе, сердечный, лишенный всякой фальши, лицемерия, умеющий сказать правду, не обидев человека, жизнестойкий и жизнелюбивый – таков был Элгуджа. Его слово всегда бывало взвешено, обдуманно. Помню, мне он говорил: «Ты, дорогой мой, очень горяч в оценке людей, поостынь и не спеши». Никогда он не изменял кредо художника, творца, его принципы были тверды. Его творческий жар никогда, до самого конца, не остывал. Он готовился издать свою третью книгу, куда вошли бы рассказы и эссе. Сюда же должны были войти маленькие истории, которые сам он называл по-грузински ласкательно «митуки», то есть «мифики». По страницам газет и журналов рассыпаны многие его статьи, воспоминания. Собрать все это осталось его неисполненным желанием, которое мы, его друзья, должны осуществить.

Мне хочется обратиться к сидящим часами у компьютеров нашим молодым – если хотите очутиться в мире мужества, чистоты, любви и прекрасного, в мире света и добра, из которого не захочется выйти, – читайте книги Элгуджи Бердзенишвили!

Вечером 30 декабря 2018 года Элгуджа позвонил мне по телефону. Он говорил медленно, с трудом выговаривая слова. Я понял, что у него опять приступ боли в спине. «Завтра такой день, возможно, я не смо-

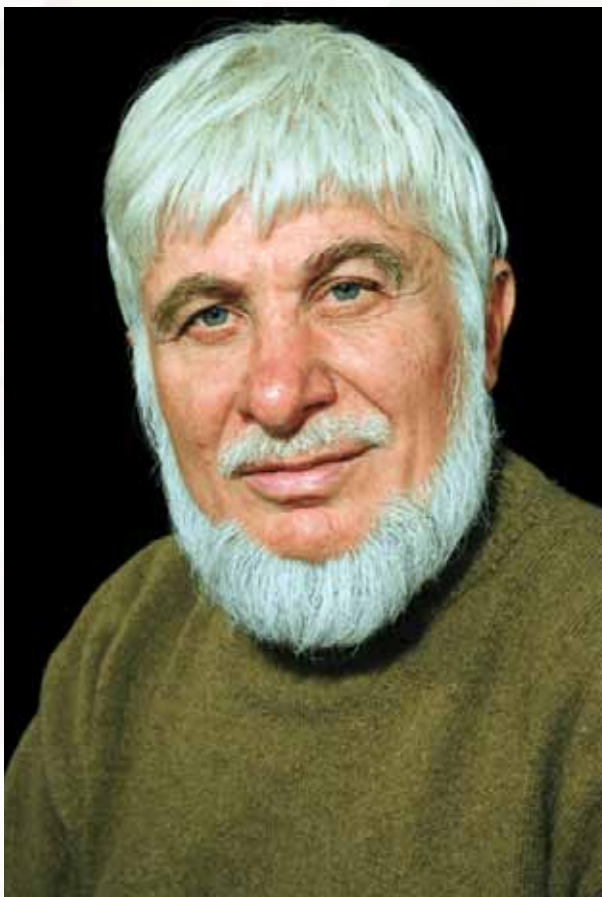
Итальянка

гу с тобой поговорить, – сказал он мне. – Потому я заранее поздравляю тебя с наступающим Новым годом и желаю здоровья и благополучия тебе вместе с твоей семьей». Я, конечно, тоже поздравил его и, насколько мог, постарался приободрить. Я думал, что повидать его в первые же дни Нового года, но наша беседа оказалась последней. Первый день 2019 года стал для него последним.

...Цифры, определившие его жизнь и смерть, кажутся сакраментальными: родился 25 декабря, прожил 93 года и семь дней, умер на седьмой день, и семь лет отделили его от столетия...

Элгуджа Бердзенишвили столько сделал для возвышения и обогащения грузинского искусства и литературы – и кистью, и пером, – столько добра и душевного тепла оставил он людям, что имя его всегда будет окружено сияющим ореолом.

На этих страницах я постарался лишь очертить светлый облик моего старшего друга. Более обстоятельно и обширно сделать это – дело дальнейшего.

И КАИФА, И ДЕД МОРОЗ

Христофор Пилиев служит в Театре имени Грибоедова уже 40 лет. Ученик Сандро Товстоногова, он остается верен законам и принципам психологического театра, но при этом, если будет нужно режиссеру, сможет играть как угодно и что угодно. Потому что мастер.

На сцене для него нет табу, кроме одного, – непрофессионализма. Поэтому он так убедителен и в классических пьесах, и в современных, и в сказках. В его актерском багаже – и Симеонов-Пищик в «Вишневом саде», и Каифа в «Мастере и Маргарите», и Монах в «Дон Гуане», и Потапов в «Провинциальных анекдотах»...

И, конечно, Христофор Лаврентьевич остается лучшим Дедом Морозом во всех новогодних спектаклях, замечательным Шерханом, Бармалеем, Отцом Золушки. Сколько радости он подарил и продолжает дарить своим зрителям! Дай бог, чтобы эта радость продлилась долгие-долгие годы!

Поздравляем Христофора Пилиева с юбилеем! Здоровья, благоденствия и новых ролей на родной сцене!

ТВОРЕЦ ВО ВСЕМ

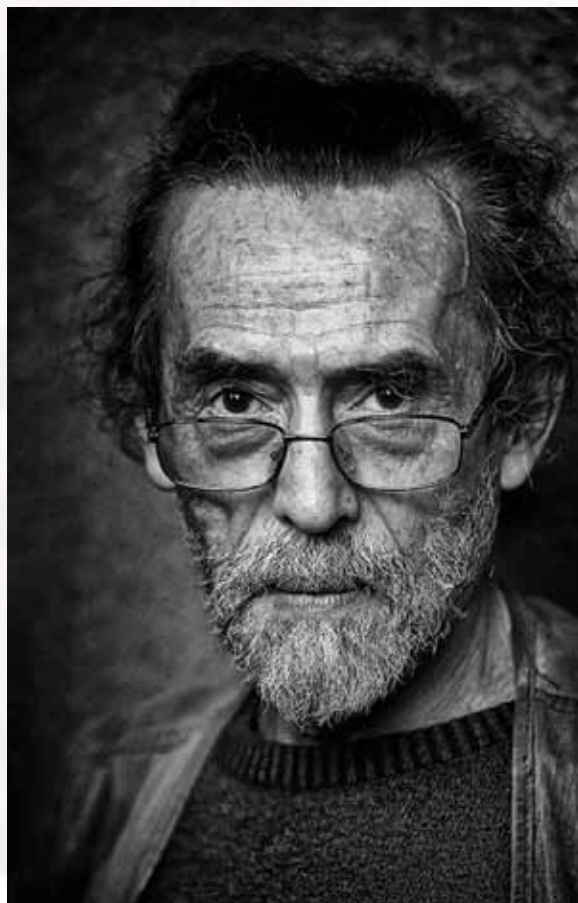
Александр Цветков – инженер-механик от бога.

Он окончил Грузинский политехнический институт по специальности «технология машиностроения, станки и инструменты», работал на заводе УВМ конструктором, технологом, наладчиком оборудования. Но вот уже ровно 15 лет, как свой талант он отдает Театру имени Грибоедова.

Тот, кто видел воочию, никогда не сможет забыть поразительные конструкции, сотворенные Александром Георгиевичем. Достаточно назвать Дом в «Мастере и Маргарите» или Мост в «Коньке-Горбунке». Вы, может быть, думаете, что это декорации? Нет, это полноценные персонажи (потому мы и написали их названия с большой буквы), без которых этих спектаклей не было бы или они были бы другими.

А еще (вот уж действительно творец – творец во всем!) Александр Цветков уже много лет пишет стихи, и это – неотъемлемая часть его жизни. Так же, как он сам, – неотъемлемая часть Грибоедовского и всех нас, тех, кто его любит, ценит и желает добра.

Поздравляем Александра Цветкова с круглой датой! Многих-многих лет радости и творчества!

«Я БРАТ ТВОЙ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В последние годы Николай Гоголь стал любимым автором грибоедовцев. Русского классика всегда почитали в Тбилиском государственном русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова, однако именно 2010-е привлекли к Николаю Васильевичу особое внимание. «Шинель» – четвертая «гоголевская» постановка театра за последнее десятилетие (на грибоедовской сцене идут «Женитьба» и «Ревизор» в постановке Авто Варсимашвили и «Игроки» – Гоги Маргвелашвили). Но разгадки творчества «таинственного карла» (так прозвали Гоголя друзья еще в детстве) по-прежнему нет. И вопросов, связанных с этой мощной фигурой мировой литературы – писателем, во многом опередившим свое время, все больше. При каждом новом прикосновении к его наследию Гоголь кажется все более непостижимым. И все ближе к нашей странной эпохе, полной контрастов и абсурдных противоречий.

Театральность гоголевской прозы специалистами отмечена давно. Эту ее особенность взял на вооружение режиссер-постановщик Авто Варсимашвили, используя в стилистике спектакля художественный принцип гротеска, создавая на сцене атмосферу балагана, буффонады комедии дель арте. Мы видим не просто персонажей «Шинели», а труппу «фарсово-азартных» комедиантов («сукиных детей», если пользоваться определением Леонида Филатова), их представляющих, разыгрывающих повесть, «разминающих» ее текст, ищущих необходимые краски. Стремящихся любым путем выделиться, громко заявить о себе, оспаривающих друг у друга роли, в первую очередь, конечно, – главную.

В результате роль Башмачкина достается молодому фактурному актеру труппы (его играет Аполлон Кублашвили), потеснившему остальных претендентов, хотя внешне несколько не соответствующе-

му гоголевскому образу: «чинovníк, нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется, геморроидальным...» Но несколько штрихов – и актер с ампула героя преобразуется: перед нами возникает затюканный жизнью маленький человек, титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин. На носу – очки, на голове – помятая шляпа, сутулится и передвигается шаркающей походкой на полусогнутых ногах. «Геморроидальный» цвет лица обеспечен благодаря гриму. Из лоскутков собраты по ремеслу «сооружают» новоявленному Башмачкину старенькую шинель.

Забавна сцена рождения героя. «Мамаша» нежно укачивает «сыночка» – обыкновенный стоптанный башмак!

Персонажи спектакля – артисты (в составе «гоголевской» труппы: заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, Аполлон Кублашвили, Арчил Бараташвили, Михаил Арджеванидзе, Нина Кикачеишвили, Ваню Курасбе-

Сцены из спектакля «Шинель»

диани, Гванца Шарвадзе, Михаил Гавашели) – жонглируют, играют смыслами, каламбурят, обнаруживая парадоксальность слов и ситуаций, ищут характерность – то есть, совокупность внутренних и внешних качеств, определяющих сущность образа: тембр голоса, интонацию фразы, пластику, грим, костюм. Гротеск разрастается до масштаба «гротескной абсурдности» как гоголевского мира, так и его восприятия. Причем если в начале спектакля доминирует первый тип гротеска – комический, то во второй его части появляются нотки трагические.

Кстати, в своей статье «Балаган» Всеволод Мейерхольд развивает теорию двух гротесков, комического и трагического, рассказывает о масках, куклах, театральном жесте, говорит о «первобытности», исконной подлинности гротескных форм. Такими «исконными» выведены в спектакле Авто Варсимашвили и актеры театра (возможно, это бродячие артисты шекспировских времен). Даже их пестрые, эксцентричные, эклектичные костюмы (художник по костюмам Тео Кухианидзе) намекают именно на истоки сценического искусства. На ком-то – куклы или маски животных (так, на персонаже Михаила Гавашели – маска козла, что сразу рождает ассоциации

с древнегреческой трагедией – «козлиной песнью»), на других – необычные головные уборы, третьи предстают в характерных образах. Например, Мария Кития – в образе комической старухи. Хотя в этой импровизированной труппе нет актеров определенного амплуа – ведь это бродячие артисты, условно говоря, эпохи Возрождения, а амплуа, строго говоря, сложились лишь в период классицизма. И актеры, разыгрывающие «Шинель», находятся в творческом поиске, поэтому готовы пробовать себя в самом неожиданном качестве, в разных ипостасях. Главное – быть яркими, заметными и нравиться публике. Как гарцующий, пританцовывающий актер в исполнении Арчила Бараташвили. Или поющий голосом протоиерея персонаж Михаила Арджеванидзе, на боку которого – барабан!

Мир Гоголя творится, инсценируется креативной группой тут же, на глазах зрителей.

Перед началом из-за ширмы слышен шепоток: «Аплодисменты! Может быть, начнем?» «О Господи! Что за профессия такая!» – вырывается у ведущей артистки труппы. У нее солидный актерский стаж, тем не менее каждый выход на сцену сопряжен с большим волнением, совладать с которым не просто.

...Кто-то торжественно объ-

являет: «Н.В. Гоголь!» Приносят портрет... А.С. Пушкина! Смешной прикол уже в зачине сценической версии грибоедовцев определенным образом настраивает публику, вознаграждая участников спектакля первыми аплодисментами.

Сценограф Мириан Швелидзе придумал предельно лаконичный, легкий и динамичный художественный образ спектакля: несколько уличных фонарей плюс ширма, составленная из «кусков». В совокупности эти «куски» воссоздают знаменитый Невский проспект. На их обратной стороне – алфавит, царство букв чиновника Башмачкина. А над сценой, в глубине, парит вознесшийся человек – в нем угадываются черты все того же Акакия Акакиевича...

В этом условно-воображаемом мире герои спектакля, представляющие персонажей Гоголя, чувствуют себя легко и свободно. Игровая стихия всецело захватывает их, они с радостью примеривают на себя те или иные положения, характеры, используя разнообразный арсенал изобразительных средств. Руководит этим процессом, направляет его в требуемое русло, корректирует действия участников представления актриса с опытом – ее играет Людмила Артемова-Мгебришвили. По существу в старину традиции,

Фото: Гога Чанадири

когда режиссера как такового еще не было, организацию спектакля брал на себя один из лидеров труппы – ведущий актер. Однако персонаж Л. Артемовой не только как бы «режиссирует» – он выполняет и роль рассказчика, выступает от лица автора. И делает это не бесстрастно, а с сочувственным отношением к происходящему, в первую очередь – к Акакию Акакиевичу Башмачкину, проживает историю «маленького человека».

Остальные участники тоже произносят авторский текст. Лицедействуя – иногда даже с перехлестом! Тут же звучит забавная реплика коллеги: «Переигрывают!» Пример острого комического гротеска – убойные сцены с участием Аполлона Кублашвили и Иванэ Курасбедиани, ярко сыгравшего портного Петровича.

Авто Варсимашвили неожиданно, можно сказать, «фантазмагорично» – в гоголевской стилистике решил центральную тему. Тему шинели. Шинель в спектакле – существо одушевленное. Это прекрасная девушка из фантастических грез Башмачкина, наконец обретенная им подруга жизни. Она – девушка-шинель! – буквально обволакивает, окутывает его теплом и любовью. Как бы берет Акакия Акакиевича под свою нежную защиту. Очень выразительны

пластические сцены, в которых Шинель – очаровательная Мария Кития – предстает в образе балерины (хореограф – Гия Маргания).

Потрясает эпизод ограбления Акакия Акакиевича двумя отморожками. Шинель отдирают от Башмачкина, как говорится, «с мясом». Она изо всех сил сопротивляется, отчаянно стонет, взывая о помощи.

Буффонное веселье отходит на второй план, уступая место драме. Язык спектакля становится жестким. Все участники представления переодеваются в шинели, скинув с себя пестрое балаганное обличье. Это преобразование отражает и внутреннее состояние Башмачкина, которому повсюду мерещится утраченная шинель.

Едким сарказмом пронизана сцена со Значительным лицом (Михаил Арджеванидзе). Мечта честолюбивого артиста (да и обыкновенного человека, одержимого тщеславием!) – исполнить РОЛЬ Значительного лица. Если невозможно им БЫТЬ. Вот и персонаж спектакля – артист пресловутой труппы – озабочен тем же. И появляется на сцене с истошным воплем «Я Значительное лицо!» Это – самоутверждение. Страстное стремление к власти актуально во все времена. А в некоторых людях это настолько сильно, что подавля-

ет иные человеческие проявления: они становятся бездушны и неспособны к состраданию. Создавая вместе с актером параноидальный образ Значительного лица, режиссер-постановщик показывает бесчеловечную сущность абсолютной власти и не жалеет остро сатирических красок, достойных Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В итоге Значительное лицо «бронзовеет» в памятнике – но... лишается головы. Такова историческая неизбежность.

Но пока восторжествует эта справедливость, тихо покинет сей бренный мир несчастный Акакий Акакиевич, напоследок обратив ко всему человечеству «проникающие слова»: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете? Я брат твой». Аполлон Кублашвили произнесет их просто, без слезливой аффектации. Сидя на авансцене и глядя в зрительный зал...

В финале открывается глубина сцены – как бы другое измерение. Мы видим поэтический образ Петербурга (атмосферу создают скульптуры львов, фонари), где царят любовь, красота, гармония. Участники спектакля соединяются в вальсе на музыку Арама Хачатуряна. В центре этого кружения – душа Шинели. Последнее видение, неосуществившаяся мечта о прекрасном Акакия Акакиевича Башмачкина.

Галактион Табидзе

БОГ ПОЭЗИИ

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Март 1959 года вошел черной страницей в историю грузинской литературы. Почти одновременно Грузия лишилась двух выдающихся своих сынов: Шалвуы Дадиани — писателя, драматурга, артиста, режиссера, и Галактиона Табидзе — поэтического гения XX века. Первому из них было 85 лет, второму шел 68-й год. Этих двух титанов художественного слова объединяло многое. Галактион Табидзе был страстно привязан к своему старшему другу,azole которого всегда чувствовал себя спокойнее и увереннее, порой черпал духовную силу, находил ответы на жгучие и волнующие его по-детски чистое сердце вопросы, которых с годами не становилось меньше...

О Галактионе Табидзе, как о

земном человеке, книга еще не создана: «Лицом к лицу, лица не увидеть!» Галактион слишком современен. Поэтому ценен каждый факт, касающийся жизни поэта, воспоминания близких ему людей. Сколько интересно мне рассказала назад супруга Галактиона Табидзе, тогда 96-летняя Нино Квирикадзе — женщина интересной и трагической судьбы, с прекрасной памятью. Сколько штрихов к портрету Галактиона могла добавить его приемная дочь Нуну Эбаноидзе — ученый-филолог Тбилисского государственного университета, племянник поэта Нодар Табидзе, воспитатель сотен журналистов и филологов, и многие другие. Было что вспомнить и врачам, лечившим Галактиона, особенно в последнее

десятилетие. О последнем дне Галактиона Табидзе мне в свое время рассказала замечательный врач Бабуца Немсицверидзе, которая долгие годы проработала в больнице IV Управления Минздрава Грузии. Сегодня многих уже нет в живых. Нет и этой больницы.

Именно в тот период случались с ним душевные срывы, когда он на долгое время выпадал из привычной ему колеи. Кто может рассказать о всех перипетиях той внутренней душевной борьбы поэта, его сложных и противоречивых отношениях с Союзом писателей Грузии, официальными органами власти, как не его близкие и родные?

Еще недавно мы оценивали все с классовых позиций, с позиций «серпа и молота», и не всегда были беспристрастны. Галактион жил и творил по своим канонам, канонам истинного Поэта, опередившего свое время. Он по-рыцарски служил Поэзии, родной Грузии, которая вытеснила из его сердца все остальное...

Галактион Табидзе... Каких только эпитетов он не удостоивался при жизни, им мог бы позавидовать поэт любой страны: «Царь поэтов! Моцарт поэзии! Титан лирики!..» В поэтической Грузии мастеров художественного слова всегда боготворили. Лучших из них называли по именам — Шота, Илья, Акаки, Важа... Этот список еще в молодые годы продолжил Галактион Табидзе! Полвека он по-рыцарски служил поэтической музе, затронув, казалось бы, никем еще не ведомые струны. Двенадцать полновесных томов оставил он безгранично любимому грузинскому народу...

Утром 17 марта 1959 года, поддавшись на уговоры близких, Галактион согласился снова лечь в лечкомбинат. Так именовали в городе поликлинику-больницу IV Главного управления Минздрава Грузии, расположенную на проспекте Ильи Чавчавадзе. В сопровождении своего любимого племянника Нодара Табидзе он, робко пере-

ступил порог кабинета главврача Петре Кереселидзе, но того на месте не оказалось, и его принял заместитель Кале Палавандишвили. Галактион был одет в старый серый костюм. Он, конечно же, нервничал, но не подавал вида. Молча наблюдал за оформлением документов, молча последовал из кабинета в приемную и только тогда, когда услышал, что ему предлагают расположиться на третьем этаже в «палате люкс», наотрез отказался и попросил уложить его на прежнее место, на четвертом этаже, в палате №18.

Это было неврологическое отделение. Когда в предыдущий раз его укладывали в лечкомбинат, то там не были свободными ни люкс, ни полу-люкс (такие палаты имелись на каждом этаже), и по этой причине Галактиона поместили в трехместную палату одного. Однако на этот раз именно эта палата и была занята больным и ухаживающей за ним супругой. Начались долгие переговоры, уговоры по их переводу в другую палату. И все это время Галактион молча ждал своей участи в приемном отделении больницы.

Отказ лечь на третьем этаже не был капризом. Совсем недавно там, в палате люкс, лежал прикованный к постели его лучший друг Шалва Дадиани, которого он боготворил. Галактион думал о Шалве. Вспомнил почему-то, как по-детски всегда радовался, когда тот обращался к его супруге по телефону: «Калбатону Нино, попросите великого Галактиона». В этих двух-трех словах было столько тепла и доброты! «Шалва доверится мне везде и всегда», – иногда говорил о нем Галактион.

Мысли Галактиона вновь вернулись к Шалве Дадиани. Какое наслаждение было беседовать с ним. Они оба лежали в феврале-марте того злополучного года в лечкомбинате. Один на третьем, другой – этажом повыше. По вечерам, когда прекращалась врачебная суэта в больнице, Галактион спускался вниз, и они вели долгие заду-

шевные беседы.

Шалву Дадиани к тому времени уже не раз успели покритиковать и на партийных форумах, и на писательских собраниях. Галактион отлично знал все перипетии той открытой и закулисной возни, развернутой вокруг его лучших друзей. Рассуждал по-философски: если есть Моцарт, должен был быть и Сальери. Сильных никогда не любили... Немало доставалось и Галактиону. Нет, нет. Открыто его не критиковали, не осмеливались. Как-никак его величали первейшим революционным поэтом, первым ленинским орденосцем Грузии, народным поэтом, академиком АН ГССР. Галактиона всегда это коробило, но он не протестовал – нравится, пусть и называют. Но с Союзом писателей Грузии отношения почему-то не складывались. Галактион переживал это по-своему: с печалью в сердце и с грустью в глазах. Сын священника Галактион с 16 лет учился в Тбилисской духовной семинарии. С этого периода и печатался. 100 лет тому назад вышел его сборник «Артистические стихи», который позже с дарственной надписью он подарил великому писателю и даровитому артисту – Шалве Дадиани.

Нам уже никогда не узнать, о чем беседовали в те зимние вечера два мудреца. Один – сын писателя и общественного деятеля, другой – сын сельского учителя, а ныне глубоко почитаемые и любимые народом. Воспоминание о Шалве Дадиани еще раз резануло сердце Галактиона. Его потому и вернули домой, чтобы он невзначай не узнал о смерти друга от окружающих, ибо все знали его привязанность к Шалве. А затем вновь привезли, чтобы скрыть даже похороны. Но не ведомо было тогда им всем, что он уже все знал, но, как всегда, не показывал вида. Страшная по силе буря проносилась в душе Галактиона. После смерти Шалвы Дадиани ему было очень то-скиливо и одиноко.

Галактион, кажется, и не замечал извиняющихся лиц, снующих взад-вперед людей в белых халатах. Он сидел молча, иногда кивая головой в ответ на приветствия. В глазах его была неподдельная грусть. Мысли унесли его в далекий 1916 год. Тогда в Кутаиси он впервые увидел стройную, с выразительными глазами 19-летнюю сестру своего друга – Нино Квирикадзе. Она восторженно смотрела на Галактиона, о котором много слышала и которого обожали все кутаисские красавицы. Прекрасная была пора. Всего за год до этого великий Акакий Церетели пророчествовал молодому поэту большое будущее.

Затем он уехал в Москву и Петербург. Здесь с интересом вращался в кругах демократической интеллигенции, традиционно бывшей в оппозиции царскому режиму. Его поэтическая душа всегда восставала против тирании, в какой бы форме она

Галактион Табидзе

не проявлялась. Вместе с русскими поэтами-единомышленниками он восторженно встретил февральскую революцию, сокрушившую самодержавие, от гнета которого страдала и свободолюбивая Грузия.

На одном дыхании было создано тогда стихотворение «Дрошеби, чкара!» («Знамена, скорей!»), в котором воспевалась свобода, единение народа. Потом в Грузии это десятистрочное стихотворение стало чуть ли не обязательным атрибутом партийных и комсомольских форумов. Его декламировали лучшие артисты. Может, по этой причине и считали его певцом революции, а может, и потому в 1939 году сделали первым в республике кавалером ордена Ленина. Но он вложил совершенно иной смысл в это стихотворение, хотя членом партии большевиков он так и не стал! Странно, подумал Галактион, что репрессии обошли его стороной. Подумал и замер. Обошли ли? В мыслях вновь предстала его первая супруга Ольга Окуджава. Из семьи Окуджава

Ш. Бандзеладзе. Скульптура Г. Табидзе (фрагмент)

пострадали несколько человек. Это была его боль.

И все же Бог был милостив к нему. В годы войны они вновь встретились: Нино и Галактион. Нино была также прекрасна, скромна и остроумна. Им было тогда, о чем вспомнить, поговорить. Галактион хорошо знал, что ее муж Давид Эбаноидзе был тоже расстрелян, что Нино с двумя малолетними детьми выселили из прежней квартиры по улице Дзержинского, 5 как семью врага народа. Знал, что Нино приходится разрываться между работой в адвокатуре и домом, чтобы свести концы с концами. И самому Галактиону было туго... В 1943 году они стали мужем и женой. Сколько было в те суровые года счастливых минут, радостных встреч в домашнем кругу.

Галактион вспомнил день, когда его избрали академиком Академии наук Грузии (1944), его приемная дочь Нуну, которую он всегда с любовью звал Нукой, вместе с мамой испекли огромный пирог. Сколько было тостов, стихов...

У Галактиона не было своих детей, что порой для некоторых «доброжелателей» становилось поводом уколов в больное место, поэтому всю свою нерастраченную любовь к детям он перенес на детей своего брата и Нино. Он гордился ими, радовался их успехам и добрым кругом друзей. Нуну часто приглашала их к себе домой. О, как радовало сердце поэта такое собрание молодых! В эти минуты Галактион преображался, с удовольствием читал свои новые стихи, читал с упоением, без усталости.

Галактион любил молодежь. Это знали все. Помню, когда в городе мы, тогда еще студенты-школьники, видели Галактиона (а он очень любил бродить по улицам, то ранним утром, то поздним вечером), сразу же окружали его, с восхищением глядя на автора «Луны Мтацминды», «Мери» и ..., кто перечислит все его шедевры? Ловили каждое его слово и всегда

удивлялись его доступности, скромности и простоте. Галактион природой был заряжен мощной облоймой грузинского юмора, много шутил и тонко подмечал удачно сказанное нами слово.

Мы, сололакские ребята – тогда еще романтики, все свое свободное время проводившие на проспекте Руставели, часто встречали на этой главной улице столицы великого Галактиона. Знали, что он хорошо относится к молодежи и редко упускали возможность пообщаться с любимым поэтом. Нередко видели его с великим Константином Гамсахурдиа, одетым всегда в национальную чоху и выделявшимся неподражаемо узкой талией.

Нередко поэта можно было застать у Евтихия Жвания – одного из пионеров грузинской фотографии. Они были старыми друзьями, Евтихий знал, что Галактион очень любил красное вино «Киндзмараули» и всегда держал его про запас специально для него. Именно в один из таких визитов Евтихий Жвания и запечатлел поэта в черном набади. Это оригинальное фото до последнего дня украшало салон-ателье «Фото Жвания» на проспекте Руставели, 14, которого, увы, сегодня нет...

Его слабостью были поэтические вечера (только ли его). Галактион всегда тщательно к ним готовился, что-то писал, переписывал, составлял план. Однажды задумал проведение цикла творческих вечеров и почему-то выбрал для этой цели зал консерватории. Составил и напечатал афишу, на которой красными буквами красовалось его имя. Еще и еще раз перепроверил все свои записи. Однако получилось так, что народ не пришел. То ли оттого, что он не поставил об этом в известность Союз писателей, то ли по каким-то иным неизвестным причинам. Галактиона стали уговаривать перенести вечер. Сначала писатели, потом его брат Прокле, затем Нино, но – бесполезно. Он выступил в поч-

ти пустом зале. Необыкновенно волновался, почему-то не мог собраться с мыслями. Да, грустная была картина.

Галактион тяжело переживал свое поражение. К нему вновь подкралась болезнь. Чуть позже в домашнем кругу он скажет как бы про себя: «Чтобы убить поэта, пуля не нужна. Его убьет слово и слово же оживит». Домашние, друзья старались вывести Галактиона из этого состояния. Он вспомнил, как Нино читала ему его же стихи. Он, так любивший слушать чтение, закрывал ладонями лицо и решительно просил остановиться: «Убивают слова, не напомните о моих стихах...».

Чаще, чем прежде, Галактион просил домашних поздними вечерами погулять с ним по городу: «Что-то душно мне дома». Любил он прогулки и спозаранку. Однажды, выйдя из дому рано утром, Галактион медленно побрел к реке и также спокойно шагнул в Куру... Тогда Бог оказался милостив к нему, спасла одна мужественная женщина. Галактион вспомнил ввалившуюся в комнату, ошарашенную Нуку, перед которой он предстал в своей любимой позе, лежа на боку, подперев голову правой рукой. И не дав ей вымолвить ни слова, весело сказал: «Видишь, Нука, хоть и открыл я спортивный сезон, но спортсменом оказался никудышным» (Это было в апреле). В этом была вся натура Галактиона.

Однажды Галактион вместе с супругой Нино поехал во Мцхета, зашли в Светицховели. Шло богослужение, пел церковный хор. Вдруг ни с того, ни с сего Галактион начал ему подпевать. Бедная Нино готова была сквозь землю провалиться от стыда, а ему хоть бы что. Потом, оказывается, священник искал того человека, который так чудесно подпевал хору. Подобных казусов на веку Галактиона было немало.

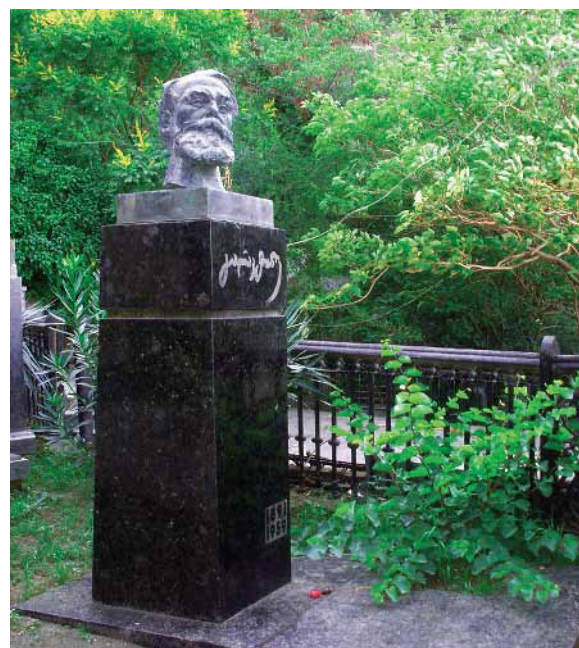
Как-то вечером Галактион неожиданно сказал Нино: «Знаешь почему застрелился Ма-

яковский? На его творческий вечер, которому поэт придавал большое значение, не пришел народ. Рожденный в Грузии, он как бы унаследовал и грузинскую душу. Поэтому не вынес унижения и погиб... Думал, что его поэзия, наверное, никому не нужна».

Нино Квирикадзе навсегда запомнила, с какой грустью произнес тогда эти слова Галактион.

...Наконец-то освободили палату N 18. Галактион, несмотря на усталость, не прилег, а уселся на стул, и мысли его опять помчались в прошлое. В лечкомбинате хорошо знали Галактиона, он часто бывал их пациентом, и поэтому не удивлялись его причудам, считая это характерным для гениальных людей. К нему заглянула дежурная медсестра Елена Ананишвили. Сколько раз она видела, как в три-четыре часа ночи Галактион выходил из своей палаты и долго прогуливался по коридору. Она волновалась за него и когда однажды сказала об этом врачу Андро Гвамичава, тот попросил медсестру не беспокоить поэта и разрешить ему делать все, что ему захочется.

Галактион вышел в коридор. Врач Андро Гвамичава, собиравшийся домой, увидел Галактиона, подошел к нему. Они поговорили несколько минут. Дождавшись его ухода, Галактион прошел в кабинет врача, он и раньше часто сюда заглядывал, чтобы позвонить по телефону. Снял с себя теплый больничный халат и аккуратно перекинул через кресло. Достал из кармана байковой пижамы связку ключей, две сберкнижки и небольшой блокнот, подаренный ему под Новый год внучкой Мариной. Затем придвинул стол к окну, распахнул его. Спокойно встал на стулья и на какие-то доли секунды застыл в проеме окна с распростертыми руками и... шагнул в бессмертие. Раздался страшный грохот, затем еще. Галактион с четвертого этажа сначала упал на лежащие во дворе на уровне второго

Могила Г. Табидзе в Пантеоне на Мтацминда

этажа каменные плиты, а затем оттуда на асфальт. Было около шести часов вечера 17 марта. Сбежалась чуть ли не вся больница. Бегом вернулся врач Андро Гвамичава. Галактиона уже уложили на носилки. Вся побелевшая медсестра Елена Ананишвили сделала ему укол кофеина, но все усилия медиков уже были напрасны. Галактион мертв...

Гроб с телом Галактиона несли на руках от дома Союза писателей по улице Мачабели через сегодня бывшие ул. Кирова, Дзержинского, Читадзе, Чонкадзе до последнего пристанища поэта.

Поэта похоронили в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии на Мтацминда, где несколькими днями раньше проводили в последний путь Шалву Дадиани. Видимо, душа Галактиона мечтала соединиться с душой друга. Казалось, весь город пришел попрощаться со своим любимым Галактионом, чувствуя почему-то и свою вину перед этим по-детски чистым и легко ранимым человеком, так похожим на каждого из нас и так не похожим ни на кого. В гробу Галактион казался уснувшим. Было что-то возвышенное в его неподвижном лице...

АРСЕН ТИТОВ

Сопредседатель Союза российских писателей, председатель правления Екатеринбургского отделения Союза российских писателей, автор 23 отдельных изданий прозы в Москве, Екатеринбурге, США. Лауреат премии «Ясная Поляна» в 2014 году за роман-трилогию «Тень Бехистунга» о Первой мировой войне на Кавказском и Персидском фронтах.

НОВЕЛЛЫ**■ Арсен ТИТОВ****Память сердца**

Нашему знакомству больше тридцати лет: Арсен Титов пришел ко мне с сильными рассказами, продиктованными опытом армейской службы и удивительным семейным преданием о том, что они – Титовы – не уральские аборигены, а потомки Татишвили, грузинского дворянина из свиты царя Арчила.

300 лет не унимался в крови

грузинский ген: он заставил Арсена освоить грузинский алфавит (с помощью этикеток вин и коньяков) и выучить читать и писать по-грузински, много раз завлекал в родные края.

Арсен Титов – замечательный русский писатель. Это подтверждают и его публикации в журнале «Дружба народов», и освященная именем Льва Толстого премия «Ясная Поляна»,

которой удостоена трилогия «Тень Бехистунга». Но рядом с прозой, повествующей о русской истории современности, память сердца продиктовала писателю рассказы о Грузии. Грузины Екатеринбурга сделали замечательный подарок своему земляку: они подготовили издание его рассказов в переводе на грузинский. В ближайшее время книга выходит в одном из тбилисских издательств.

С возвращением на Родину, Арсен!

Александр ЭБАНОИДЗЕ

ВСТРЕЧА

Конечно, можно было все сделать гораздо быстрее и легче. Более быстрый и легкий был путь, или, как бы сказали в газете, более эффективный был путь. Пойти в библиотеку и раскрыть том энциклопедии на нужном разделе – сколько времени займет? Да разве были мы в детстве таким вещам обучены! Не в профессорских квартирах воспитывались – на вольной воле. Как сказано: небо шапкой, земля – каламани. Ну, не каламани, конечно, не грузин-

ская крестьянская обувь, а простые китайские кеды были нам обуткой от весеннего снега и до осеннего. И саму поговорку про шапку и каламани я позже узнал. Кстати, и именем Ладо я позже стал. А до того был я Владимиром. Рассказывали, как только я возопил, появившись на свет, как только увидели, что мужчина я, не женщина, так бабушка, меня принимавшая, и сказала:

– Ну, вот и Володимир Красное Солнышко!

И жилось мне, Красному Солнышку, в этом имени очень хорошо. И прожил бы я в нем весь век свой, кабы не то обстоятельство, с которого я начал здесь разговор. И вправду говорят, что все наше вместе с нами рождается. Был в детстве у нас такой фильм по рассказу грузинского писателя с названием «Мамелюк». Весь его пересказывать нет смысла. Может, только стоит сказать, что мамелюки – это воины в странах Египет и Турция, взра-

щенные из мальчиков-христиан, и фильм был про мальчика-грузина, украденного у родителей и ставшего мамелюком. Фильм привезли к нам в деревню. Мы, как и на всякий другой фильм, налетели смотреть его гурьбой, и там было в одном месте, как этому мальчику дарят платок с вышитым на платке его, мальчика, именем – грузинскими буквами вышитым, разумеется. И меня вдруг боднуло под сердце, что такие буквы я когда-то знал и сами места, в фильме показываемые, тоже знал. Я притих, пораженный. Все свои на ту пору восемь лет я прожил в родной деревне, и если куда из нее отлучался, так только в соседние да еще один раз в город с мамой. И ни таких замысловатых букв, и ни таких красивых мест, как в фильме, я не мог видеть. Но меня под сердце боднуло, а потом не отпустило. «Видел и знаю, видел и знаю!» – стало бодать меня.

Крепко засело это во мне. Встали они передо мной – эти буквы и эти места, встали и уходить не собираются. Все вокруг меня одно, а внутри меня другое. Пока я на народе, то есть в школе и после школы дома при маме с папой, при братьях-сестрах или при своих друзьях-ребятишках, – я один человек. А как доведется остаться одному – я становился другим, и хотелось сразу же понять, откуда я те буквы мог знать, и откуда я те места мог видеть. Достало так, что однажды не выдержал я.

– Мама, – сгорая от непонятного внутреннего жара, спросил я. – Мама, а я грузин?

Как сказать, какая у меня была мама – самая-самая у меня была мама, то есть самая красивая, самая любящая, самая мудрая. Но что-то и ее задело.

– Эх, сыночек! Состряпал тебя Господь да тут же и заплакал! – сказала она.

Такого ответа мне хватило.

– Да, я грузин, и меня, как и того мальчика из фильма, украли! – догадался я.

И сколько молчаливых слез

пролил я по ночам после этой догадки. Сколько раз мое сердце то останавливалось, то начинало воробьем трепыхаться от пришедшей тоски и пришедшего одиночества и одновременно от великой благодарности родителям, сумевшим меня от того вора вызволить. Как-то так у меня складывалось, что вор меня украл, а мои папа и мама меня вызволили. Он украл меня там, а они меня вызволили здесь. И им, чтобы вор снова меня не украл, нельзя было возвращаться туда, в те красивые места с красивыми буквами, и нельзя было о тех местах и тех буквах признаваться. Вот так стало у меня складываться. Вот так пришли мне, восьмилетнему, тоска и одиночество. И стал тот украденный мальчик мне, тоже украденному, другом. На улице весной пахнет, сугробы под солнцем оседают, сосульки, будто деревья, только вверх корнями, растут. Так пригрело, что кот на половине шага остановился. Шел по забору и вдруг остановился, жмурится, выгибается. Дальше идти ему лень. Или от благодати забыл, зачем на забор залез. Тепло, хоть шапку снимай.

Весна, всем тепло, а мне холодно. Не греет меня, украденного, ничто. Морозят меня тоска и одиночество. Но еще раз скажу, все наше с нами рождает-

ся. Боднули меня тоска и одиночество второй раз. Видно тоскливо им стало во мне просто так сидеть, тоску мою слушать. Они же приходят действовать – кого-то в могилу свести, а кого-то и уму-разуму научить. Эти мои друзья-братья посидели во мне, сложа руки, повертелись туда-сюда, безуспешно от моих слез уворачиваясь, промокли и решили, нет, так мы долго не протянем, так он нас сам изведет, надо его к делу приучать.

– А ну-ка! Чего просто так сидишь! – сказали.

– Сиж и что? – спросил.

– Чай любишь пить? – спросили.

– Люблю и что? – опять спросил.

– Ну, так посмотри внимательно на упаковку! – сказали.

– И что там смотреть? – спросил.

– Он еще нас спрашивает! Иди да посмотри! – возмутились.

Пошел я, посмотрел на упаковку чая, постоял, себе не веря, даже оглянулся удостовериться, не видит ли кто меня дурака. На упаковке были написаны буквы, похожие на те, что были на платке того украденного мальчика, а рядом, будто специально для меня, соседствовали буквы наши родные, так сказать, до боли знакомые. «Чай» – один в один было написано на

упаковке теми и этими буквами. Ах как приподняло меня над самим собой, едва головой потолок не пробил. Всего-то «Чай» — и я стал владельцем целых трех букв, можно сказать, несметного богатства! Я, можно сказать, встретился с тем украденным мальчиком — и теперь мы были не поодиночке, а вместе, двое украденных.

— Ох! — в поощрении боднули меня тоска и одиночество. — Ох! Ну, теперь иди дальше сам, теперь справишься!

Не пошел я — побежал я дальше сам. Не успел я чаю порадоваться, не успел, так сказать, испить чаю, а уже на следующий урок зазвонили. Как с неба, свалилась почтовая марка с изображением великого грузинского поэта Важа Пшавела, на которой, как и на упаковке чая, теми и этими буквами было написано, что это великий грузинский поэт. Целых восемь букв сказал мне он и еще открыл, что много их, оказывалось, поэтов, тогда как я считал, что их всего-то Пушкин, Лермонтов и Некрасов. А дальше стоило мне взглянуть на газету «Известия», как сами собой в глаза бросился лозунг о пролетариях всех стран, которые должны соединяться. Сто раз я держал

в руках эту папину газету, а ни разу не обратил внимания, что этот лозунг там был написан на пятнадцати языках советских республик. Еще две буквицы от пролетариев всех стран мне достались. А потом папа из города привез книгу избранных произведений другого великого грузинского человека, книгу Ильи Чавчавадзе.

— Вот, почитай! — сказал.

Не осмелился я спросить, откуда он все про меня узнал. А потом взялся листать книгу в уверенности, что найду там написанное про украденного мальчика, мне, можно сказать, ставшего братом. Но про украденного мальчика там не было. Другой писатель, не Илья Чавчавадзе, написал о нем.

— Конечно! Если их так много, а не только Пушкин, Лермонтов да Некрасов, то и написать могут много всякого, вместо того, чтобы написать про украденного мальчика, моего, можно сказать, брата! — сказал я.

— Читай, читай! — подсказали тоска с одиночеством, вроде бы ушедшими сказавшиеся.

— А что это вы тут делаете? — спросил я.

— Э! Мы теперь с тобой навеки! — сказали.

— А говорили, что дальше я

сам! — напомнил я.

— Да. Иди дальше сам. Но мы с тобой навеки! — сказали.

И научила меня та книга семидесяти семи словам, расположенным в конце ее в качестве объяснения слов, которые она не смогла перевести на русский язык и которые я в захлеб выучил наизусть.

— Что! — показал я кукиш тоске и одиночеству. — Я теперь все про нашу страну знаю. Хотите, все слова скажу?

— Сколько их? — спросили.

— Семьдесят семь! — в превосходстве сказал.

— Что ты, что ты! И семи слов будет нам достаточно! — отказались.

— Нет уж! Вот вам: Авлабар, Автандил, Агзевани, адли, алвахази, артала, бозбаши!.. — стал я по порядку перечислять все семьдесят семь слов из объяснения в конце книги, если что и обозначающие, так только то, что первое обозначало географическое название, второе обозначало имя героя поэмы не известного мне пока Шота Руставели, третье опять обозначало географическое название, четвертое обозначало меру длины, пятое — печенье, шестое — говядину, сваренную со специями, а седьмое — бараний суп. Узнал я, что есть там, в том красивом месте враз три царства — царство Кахети, царство Имерети, царство Картли, есть там то и есть там это, чего я никогда не видел и не слышал, и даже слово «туман» там обозначает десять рублей.

И свято я поверил, что теперь мне можно отправляться туда, где так говорят, где жил украденный мальчик, мой, можно сказать, брат. Будут там говорить, например: «Тары-бары, тары-бары Авлабар, адли, авалхази!» — и мне будет понятно, что на Авлабаре в мере расстояния, то есть недалеко, есть печенье. Так стал я думать. И так стал мечтать уехать туда, найти того украденного мальчика и наподдавать тому, кто его украл, а заодно и тому, кто украл меня — так наподдавать, что тот о сво-

ем воровстве навсегда забудет.

Так жил я поживал, рос потихоньку. И все мне, пока я был на людях, то есть при папе и маме, при своих друзьях-ребятишках, вроде бы было ладно. Но лишь оставался один – весна, сугробы под солнцем оседают, птички веселятся, сосульки, будто деревья, только вверх корнями, растут, а мне этого ничего не надо. Пригрело, кот на половине шага остановился. Шел по забору и вдруг остановился, жмурится, выгибается. А мне холодно. Нет мне радости ни от весны, ни от лета.

И однажды все-таки мелькнул мне луч. Деревня наша хоть и захолустная, но стоит на бойком месте, автобусы во все стороны косяками ходят, и народу, конечно, – как во времена великих переселений. Иду я однажды мимо автобусной станции, значительность из себя строю, чтобы сразу всем видно было, что я к этой деревне мало отношения имею. Думаю, увидят и скажут.

– Э, – скажут, – да парень-то ведь не из этих мест! Он из тех мест, где враз могли быть царство Кахети, царство Имерети, царство Картли! Вот он из каких мест!

Строил я из себя так, строил и не заметил, как на человека налетел.

– Смотреть надо, парень! – только-то и сказал он.

А от выговора его, от интонации, я вздрогнул и пришел в себя. Стоит передо мной настоящий Георгий Победоносец, не меньше – такой величественный человек. Вытаращился я на него – да, точно Георгий Победоносец, то есть человек из тех мест, где враз могли быть царство Кахети, царство Имерети, царство Картли, и откуда моего брата украли и меня самого украли.

– Вы из Кахети, Имерети или из Картли? – сам себя не слыша, спрашиваю.

Теперь он вытаращился.

– Тебе-то это для чего? – спрашивает.

– Квеври, хачапури, алваха-

зи, каламани! – говорю.

Он оглянулся по сторонам, как бы проверяя, правда ли где-то тут и квеври, то есть кувшин с вином, и хачапури, то есть пирог с сыром, и уже упомянутое печенье алвахази, и обувка деревенская в придачу. А я ему:

– А вы грузин?

– Да, – говорит, – грузин, а тебе для чего?

И разве за минуту скажешь все, для чего мне знать, кто он, хотя сразу видно, кто – Георгий Победоносец. Он и на автобусной станции он, сейчас объявят его автобус, и его не станет.

– Научите меня говорить по-грузински! – говорю.

Опять он вытаращился:

– Как я тебя научу? Сейчас автобус мой уйдет!

– Ну, хоть что-то скажите, например, скажите «Здравствуй! Как живешь?» – уцепился я за него.

Он сказал. Я запомнил.

– Еще, еще! – попросил я.

– Да что еще я тебе скажу? – нахмурился он.

– Ну, что хотите, то и говорите. А еще лучше, напишите на бумажке! – попросил я.

Он полез в карман, вынул потрепанный блокнот, отвинтил у авторучки колпачок.

– Что написать? – спросил.

Мне было все равно, что – только бы как можно больше. Но это-то «как можно, больше» не дало сообразить, что именно лучше всего сейчас написать.

– Ладно, напишу! – увидел он мое мучение.

– Только побольше! – попросил я.

– Жорка! – вдруг стала звать его в автобус какая-то девица. – Жорка! Автобус отходит! Чо ты там!

Я сначала не подумал, что зовут его, этого величественного человека, можно сказать, Георгия Победоносца. А девица снова закричала, и закричала как-то вот так грубо: «Жорка», с упиранием на это «Жо» и со стремлением показать себя над ним. Уж кто я был, подросток, а это я понял и снова подумал, может-де, не его зовут.

– Отстань! – буркнул Георгий Победоносец девице и даже отвернулся.

Он-то отвернулся, а она подскочила.

– Ты чо, не слышишь? – схватила она его за рукав.

– Отстань! Видишь, человеку пишу! – сказал Георгий Победоносец.

– Какому человеку? – ничего не поняла девица.

– Человек хочет нашему языку научиться! – показал на меня Георгий Победоносец.

– Он? – посмотрела на меня девица. – Он? Вашему языку? – и заржала, кобыла, обнажив явно нечищенные зубы.

– Он, он! – кивнул Георгий Победоносец.

– Он! – снова заржала, кобыла. – Он! Напиши ему, Жорка, напиши!

А он написал, оторвался от блокнота, взглянул куда-то поверх меня и девицы, поверх станции со всеми автобусами и всем народом, поверх всей деревни, и снова написал. Снова написал, снова оторвался, сно-

ва поднял глаза поверх всего. И мне показалось, будто темный пламень в его глазах полыхнул. «Стихи! Он пишет стихи! Он поэт, диди картвели поэты Важа Пшавела!» – вспомнил я надпись на марке и едва не умер от невероятия своей наглости, с которой остановил его, заставил писать, и вообще от невероятия своего пребывания рядом с ним.

– Чо, написал? – спросила в нетерпении кобыла.

И я вернулся к жизни. «Молчи, кобыла! Он поэт! Он Георгий Победоносец!» – немо закричал я, и если бы была у меня такая сила, я бы испепелил ее.

– Сейчас! – сказал Георгий Победоносец, поэт, снова оторвался от блокнота, снова взглянул поверх нас, на небо.

Я тоже взглянул на небо. Для меня оно было небо и небо, как учили в школе, бездонное пространство с атмосферой на двадцать километров – только и всего. Иным оно было для Георгия Победоносца. Чем именно оно было для него, я не мог сказать. Но оно было для него иным. И он полыхающим взглядом искал там стихи. Я загордился своим небом. Раньше я не обращал на него внимания, считал его не небом, а клочком застиранным, только на то и способным, что застилаться тучами да лить дождем. Сейчас же я загордился своим небом и задумал попросить Георгия Победоносца, когда он закончит

стихи, написать мне еще и слово «небо».

– Жорка! Хватит! Автобус уйдет! – повисла на Георгии Победоносце кобыла.

– Сейчас! – еще раз сказал Георгий Победоносец, вырвал страницу, подал мне. – Вот! Учи! – и пошел.

Он пошел, а я остался. Я стоял со страницей из блокнота в руке, смотрел ему в спину, смотрел и не видел рядом с ним кобылы, видел только его, уходящего, видел его, садящегося в автобус, и думал, что я не успел спросить про небо.

Я не сразу взглянул на страницу из блокнота – так дорога была она мне, и еще более дорогим было мне на ней написанное. Он уехал. Я посмотрел на небо, для меня застиранный клочок, для него же что-то такое, что дает стихи. Я пошел своей дорогой. Все-таки я был здешним человеком, не из тех мест, где враз могли быть царство Кахети, царство Имерети, царство Картли, и откуда украли моего брата и меня украли самого. А когда я усмирил гулкое свое сердце и посмотрел на страницу, то увидел – не стихи были там написаны. Там на двух языках был написан мат.

– Терпи! – сказали тоска и одиночество, на время куда-то уходившие.

Я же пожалел только о том, что не спросил про небо.

что именно так должны спрашивать кассиры, продающие билеты.

Лет мне было четырнадцать, я уже был комсомольцем. И я дома сказал, что меня от школы послали в Москву на важное пионерско-комсомольское мероприятие. Сам же я замыслил уехать в Грузию, так сказать, уехать на землю предков, согласно ее зову, совсем доконавшему меня с той поры, как я узнал, что она мне древняя родина. Гордые за меня и гордые за себя, родители не догадались сходить в школу и спросить, за что их отроку выпали такие высокие честь и доверие. Более того, мама, объятая этой гордостью, велела папе выдать мне некоторую сумму на карманные расходы и на умные ученые книги, полагая, что после Москвы я обязательно буду нуждаться в чем-то таком, чего мне наша деревенская школа дать не сможет, и тогда эти книги удовлетворят мою потребность. Папа, не менее гордый, отвалил щедро. И я поехал в аэропорт, потому что заранее узнал, что поездов до Тбилиси от нас не было.

Про то, что Грузия – земля предков, я узнал от дядюшки.

АДГИЛ-МАМУЛИ – ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

– Господи! Какой тебе Тбилиси! Родители твои где? – подражая говору московских продавцов и билетных кассиров, ответили мне в аэропортовской кассе.

Про специфику говора московских продавцов и кассиров

я узнал гораздо позднее. А тогда на это я не обратил внимания. Тогда я просто отметил, что меня спросили необычно – то ли устало, то ли презрительно, одним словом, спросили так, как никто никогда в нашей деревне не спрашивал, но я посчитал,

Год назад он приехал к нам в гости из города на тихоокеанском побережье и за столом стал рассказывать про свою прежнюю жизнь.

– Эх, – сказал. – Эх, если бы не война, я так и прожил бы свой век на Эльбрусе!

– Как это на Эльбрусе? – спросил я, отличник учебы и грамотный человек, знающий, что такое Эльбрус, какова его высота, и удивившийся тому, что дядюшка собирался прожить там весь свой век.

– На Эльбрусе, сынок! – подтвердил дядюшка. – Я до войны там проводником работал. А с началом войны меня призвали и отправили на флот.

– А как ты на Эльбрусе оказался? – задал я следующий грамотный вопрос, ибо знал, где Эльбрус, а где наша деревня, и с какого флота приехал к нам в гости дядюшка.

– А я чуть школу закончил, так сразу и уехал в Грузию к нашим родственникам. А там один из них работал проводником в горах и взял меня с собой! – сказал дядюшка.

– Как это в Грузию к родственникам? – ничего не понял я, потому что у нас в семье никогда ни о какой земле предков

в виде Грузии и ни о каких там родственниках не говорили.

Никто ничего не сказал мне даже тогда, когда я ею, землей предков в виде Грузии, можно сказать, заболел. Есть, оказывается, неведомо откуда приходящая необходимость вернуться на землю отцов, даже если совсем неизвестно, где она. Во всяком случае, такое случилось со мной в детстве. Что-то сказало мне – там она, моя прошлая земля, сказало и не обмануло. Я искал каждое упоминание о ней, я искал буквы ее алфавита, слова ее языка. Это все видели. Но никто мне не сказал о ней. Только дядюшка приехал и стал как-то раз за столом вспо-

минать о своей молодости. Он и сказал мне довоенный свой адрес, то есть адрес наших там родственников. И через год я решил. И кассир в аэропорту то ли устало, то ли с презрением, то ли с каким-то иным, мне пока еще неведомым чувством вскричала:

– Какой тебе Тбилиси? Родители твои где? Господи!

Я сказал, что мне четырнадцать лет, что я комсомолец и хотел сказать, что в четырнадцать лет комсомольцы на войне совершали подвиги, но застеснялся громких слов и промолчал и только молча показал комсомольский билет.

– Тут люди не могут улететь,

и ты еще путаешься! – показала моим комсомольским билетом кассир на поодаль плотной кучкой сидящих людей обличья моей земли предков. Они враз оказались около кассы.

– Красавица! Очень домой надо! – взгалдели они.

Кассир была, прямо сказать, пожилой теткой и в свете отношения ко мне и ее необычного говора, теткой скверной, вообще злой бабой, отчего мне подумалось про людей обличья моей земли предков, как о людях без особого вкуса и понимания красоты. «Ничего себе!» – сказал я в сожалении про людей обличья моей земли предков, нашедших в этой скверной тетке красавицу, но тотчас же забыл свое сожаление, потому что само собой они в один миг стали мне близкими и будто даже давно знакомыми.

Скверная тетка кассир их близкими и давно знакомыми не посчитала. Более того, она на них, как и на меня минутой раньше, закричала своим необычным выговором.

– Я вам сказала, не прибыл по погодным условиям! Что вы скачете, как... Ждите, прилетит! Господи! – закричала она.

Люди обличья моей земли предков послушно вернулись

на прежнее место. Я тоже пошел от кассы. Я очень хотел пойти вместе с людьми обличья моей земли предков, но сильно застеснялся и просто пошел от кассы. Как мне теперь быть, я не знал. Кассир окликнула.

– Эй ты, парень! Зачем тебе в Тбилиси? Отца искать собрался? – окликнула она.

– А тебе какое дело! – буркнул я.

Возможно, она меня услышала, а возможно, догадалась, что в таком случае я что-нибудь да забурчал.

– Что ты там бурчишь! Иди сюда! – сказала она.

И мне вместе с людьми обличья моей земли предков пришлось ждать самолет еще сутки. А через четыре часа полета они, едва не соревнуясь между собой в услужении мне, привезли меня к стеклянному кубу аэроагентства на проспекте Руставели, где часть их, пожелав мне успехов, распрощалась, а часть повезла на железнодорожный вокзал, и к вечеру того же дня электричка уже выворачивала к прилепившемуся к подножию огромного хребта вокзальчику города Гори, и я в окошко, как на картине, увидел к облакам взметнувшуюся на крутом холме крепость, ничуть

не удивившую меня, как и все не удивило меня, на что я неотрывно смотрел, пока ехал. Все, казалось, я уже видел, все мне было родным. И та часть пассажиров, которая ехала дальше Гори, сердечно простилась со мной, пожелав мне обязательно встретиться с родственниками, а та часть, которая выходила в Гори, самоотверженно возжелала провожать меня до самого места, которое мне сказал годом раньше мой дядюшка-морфлотец, бывший проводник в горах. К счастью, порыв оказался всего лишь порывом, и последний из них, кто оказался со мной рядом в городском автобусе, сказал, за ушедших извиняюсь:

– Всем домой очень надо! Дом – это такое дело: ребятишки-мрабетишки, душа сама рвется домой! У тебя тоже рвется домой!

– Да, спасибо! – сказал я, одновременно довольный и недовольный.

Довольный я был тем, что с помощью оказанного мне внимания я без труда добрался до места. Более того, благодаря этому вниманию, я как бы загодя вник в среду, как бы загодя вдохнул в себя, вместил землю моих предков, и может быть, потому ничто меня ничуть не удивило из того, на что я неотрывно смотрел из окошка вагона, ничуть не удивило вообще все – даже это их, большого количества взрослых людей, внимание. Как-то вот так было во мне в отношении того, что заставляло меня быть довольным. А недовольный я был самим собой, замкнувшимся и будто даже испугавшимся, а по правде говоря, просто уставшим от всего враз мне прихлынувшего.

– Да, спасибо! – сказал я.

– Сейчас вон на том перекрестке из автобуса выйдешь и пойдешь прямо вон по той улице. Иди прямо до городского парка. Там поверни налево. Там будет твоя улица. А меня извини! Мне надо дальше. Ребятишки-мрабетишки, жена – все ждут! – снова извиняясь, сказал

последний из оставшихся.

– Да, спасибо! – сказал я.

И я пошел туда, как показал последний из оставшихся, пошел по хорошей, обсаженной платанами улице. О том, что это были платаны, я узнал позже от Дато, которого тоже встретил позже. Я пошел и более глядел не на платаны, не на улицу, не под ноги себе и не на прохожих, иногда взглядывающих на меня, а иногда проходящих мимо без взглядывания. Я более глядел на крепость. Я будто ее знал, и я будто в ней не раз бывал. И я будто в этом городе бывал. Не на этой улице, обсаженной платанами и застроенной современными домами и даже с красивым зданием театра, на который нельзя было не обратить внимания – нет, раньше я на этой улице не был. Но я был на этом месте. Я был на улице, которая раньше была на этом месте. Вот так мне казалось. Вот так я чувствовал. Мне даже пришли вспохои каких-то воспоминаний того, какой была раньше эта улица. Я никак не мог быть ни на этой улице, ни в этом городе. Но оно мне вот так приходило. И я, вероятно, был от этого не совсем в себе, потому что некоторые из прохожих на меня взглядывали – взглядывали, вероятно, беспокоясь. А я все глядел на крепость, глядел уже минувая ее, уже оставляя ее далеко сбоку и даже несколько за спиной. И при этом я был совершенно спокоен – ну, как у себя в родной деревне.

Сердце мое взволновалось только на той улице, на которой, по адресу дядюшки-морфлотца, проживали наши родственники. Улочка была односторонней и недлинной, застроенной частными домами в один, полтора и редко в два этажа. Я быстро нашел свой дом, полтораэтажный, небольшой, явно давней постройки, уютный и спокойный, будто спокойствием говорящий, что он что-то знает, но молчит, потому что никто не спрашивает. Уже начинало темнеть, темнеть как-то не по-нашему быстро. Еще на углу улицы было

светло, а около дома стемнело, и я оглянулся на угол – не светло ли там.

Потом я поднялся на встроенное в нишу и от того, как мне показалось, приветливое крылечко и постучал.

По жанру литературы и кино, здесь должно было со мной что-то случиться. И оно на самом деле случилось. Мне было четырнадцать лет. И я был на моей земле предков. Потому меня ничто здесь не удивляло. Я постучал и услышал приветливый женский голос. Следом открылась дверь. Немолодая женщина что-то сказала и показала рукой входить.

– Здравствуйте! – сказал я.

– Здравствуйте! Проходите вот сюда! – показала женщина на приоткрытую дверь комнаты.

Я вошел и увидел зуборачебное кресло. И это меня не удивило. «Здесь все может быть!» – сказал я себе с тем выражением, с каким повзрослевшие дети читают сказки, то есть в некотором снисхождении – не более. Через минуту вошел немолодой мужчина в белом халате, показал садиться в кресло.

– Ну, что у вас, молодой человек? – сказал он по-русски.

– Вот! – протянул я ему листок с адресом его дома.

– И что? – посмотрев в листок, спросил он.

– Я приехал! – сказал я.

– Очень хорошо. Садитесь! – снова показал он на кресло.

– Я так. Я постою! – сказал я.

– Мне удобнее, когда вы в кресле! – сказал он.

– Я – нет. У меня не зуб! – сказал я.

– А что? – спросил он.

– Я вот. Я приехал. Это!.. – вспомнив внимание ко мне давешних моих спутников, приобиделся я на неподобающий прием родственника.

– Ну, так садитесь! Я посмотрю! – сказал он.

«Вот же затеял!» – совсем обиделся я.

– Не бойтесь. Вы же не женщина. И я все делаю в высшей степени деликатно! Больно не будет! – сказал он.

– Я и не боюсь! – фыркнул я.

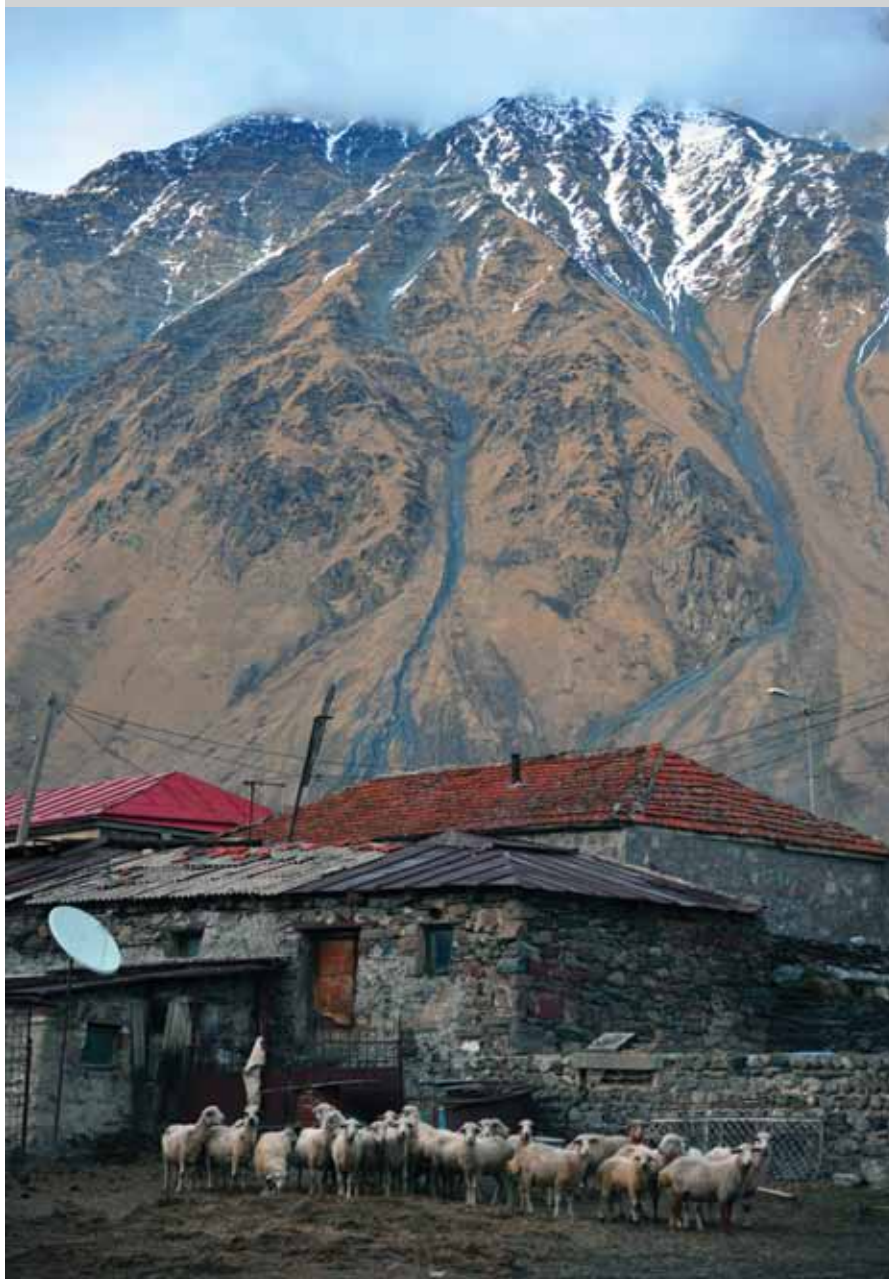
– Ну, так и садитесь! – сказал он.

– Я постою! – сказал я.

Вошла давешняя женщина, и тоже в белом халате. «Фашисты, что ли. Пытать будут!» – пробило меня.

– Какой несговорчивый молодой человек! – сказал мужчина своей женщине и опять обратился ко мне. – Ну, хотя бы скажите, что у вас болит!

– Ничего не болит! – набычился я.

– Но вы же по какой-то причине пришли к нам! – сказал он.

– Я приехал вас искать! – сказал я и отчего-то застыдил своих слов.

– Нас искать? А что нас искать? Мы никуда не потерялись! – сказал он.

– Это мы потерялись! – зацепился я за последнее его слово, хотя до того ничуть не считал, что мы куда-то потерялись.

– Печально, что потерялись. Теперь нашлись? – спросил он.

«Точно фашист!» – запламенил я.

– Я ничего не пойму! – сказал и повернулся мужчина к своей

женщине.

– Мальчик. Скажите, кто вы! Может быть, вы чего-то боитесь? – спросила женщина.

«Ничего не понимают. Родственники называются!» – подумал я, набрал воздуха и сказал. Я все сказал про дядюшку-морфлотца, а до своего морфлотства проводника в горах, как и здешний наш родственник перед войной. И я сказал, что здесь моя земля предков. И я сказал, что приехал. И я снова показал листок с адресом.

– А! – враз сказали мужчина и женщина.

А я сначала облегченно вздохнул – ну, наконец-то поняли. А потом вдруг понял – они-то

поняли, но они не родственники.

– Да! – сказал мужчина после молчания. – Да! – и это «да» сказало только о том, что оба они, мужчина и женщина, не знали, что мне сказать. – Да! – сказал он в третий раз и потом спросил. – И что? У вас только вот этот наш адрес и больше никого вы здесь не знаете?

А я подумал, что на улице тепло, и я смогу переночевать в парке, а утром уехать. «Или в крепости!» – еще нашел я выход.

– Мальчик, ты совсем здесь один? Нет мамы, нет папы? – спросила женщина.

Мне опять стало вдруг стыдно – вот от этих слов, что я один, что нет мамы, нет папы, мне стало стыдно, будто оказывался я не на моей земле предков, а оказывался я обыкновенным безродным.

– И ты вот так приехал один? – спросила женщина.

Мне совсем не хотелось что-то сейчас выяснять.

– Я уже взрослый! – пересиливая себя, сказал я.

– Молодец! Вижу перед собой грузина! – вдруг сказал мужчина.

– Но приехал один и не испугался? – не могла поверить женщина.

– Я же говорю: настоящий грузин! И хватит его пытаться! Иди, приготовь нам ужин! Будем сегодня принимать у себя дорогого гостя! – сказал мужчина женщине, то есть, пора догадаться, своей жене, а мне сказал: – Ну, вот! Все и разрешилось! Идем, сейчас будем ужинать. А завтра будем искать твоих родственников, если тебе у нас не понравится!.. И, кстати, о зубах. У тебя все в порядке с зубами?

– Все в порядке! – сказал я.

– Но его маме и папе надо сообщить, что он у нас! – сказала свое женщина.

От ее слов мне снова стало стыдно – и стыдно как-то так, что я-то вот оказался на моей земле предков, а они не оказались, что я оказался здесь обманом, а они бы никогда так не поступили, не обманули бы меня и не

уехали.

Чтобы не разреветься, я спросил мужчину, почему они меня хотели посадить в зубо-врачебное кресло, разве нельзя было просто так разговаривать, не в кресле.

– Но ты разве вывеску не видел? Ты же пришел к зубным врачам. Так сказать, в частную клинику! – сказал мужчина.

– А! – будто что понял я.

Откуда мне было знать, что на моей земле предков все-таки жили немного иным обычаем, чем на той земле, где я родился и жил, что на ней могла быть даже частная зубо-врачебная клиника.

– Ты слышишь, дорогой! Его маме и папе надо сообщить, что он у нас! – снова сказала свое женщина.

– Хорошо, хорошо, обяза-

тельно сообщим! – сказал мужчина.

Дальше мы очень долго ужинали. И я к своему позору прямо за столом заснул. Проснулся я в свежих белых простынях в комнате, залитой солнцем. В соседней комнате вчерашний мужчина с кем-то разговаривал.

Через несколько минут они, вчерашний мужчина и тот, с кем он разговаривал, зайдут ко мне, и тот, кто разговаривал с вчерашним мужчиной, мне улыбнется, назовет себя по имени Дато и скажет мне:

– Ну, давай, собирайся! Пойдем домой! Теперь у тебя здесь есть дом и семья!

– Вы наш родственник? – спрошу я.

– Теперь родственник! – улыбнется он.

– Скажут, да из России пришли, так уже чужое берут! – сказал Захар Михайлович.

Потому на нашей стороне лежащие мы брали, а не на нашей – нет.

– Вот! – сказал еще Захар Михайлович. – За этим садом и этим виноградником братья мои ухаживают. Отец сказал: это Захару!

Сам Захар Михайлович – в России, а братья за его садом

и виноградником ухаживают. Захар Михайлович только пьянствовать приезжает, как вот со мной сейчас.

У старшего брата Захара Михайловича жена моложавая и приветливая. И старший брат светится. Средний брат замкнут. Он умен. Но жена его, сколько я смог определить сразу, завистлива и жадновата. Она долго не давала зарубить. Она долго на стол не накрывала, говорила нам ласковое, но стол был пуст, а муж ее, средний брат Захара Михайловича, мрачен. Он был мрачен, но терпеливо смотрел на жену и, следуя обычаю, церемонно улыбался нам, мне и Захару Михайловичу, хотя Захар Михайлович был младше его, и он, будучи старшим, мог бы вести себя по-другому. В какой-то степени причиной его церемонности был, конечно, я. Но все-таки в целом осознание за долгие годы совместной жизни завистливости и жадновости жены отпечатались на поведении среднего брата Захара Михайловича.

Мы сидели перед пустым столом. И чтобы разрядить обстановку, Джубе сцепился с Захаром Михайловичем.

– Ну-ка, – сказал, – не поверю, что ты еще сильнее меня!

Крепко они сцепились. Я даже подумал, что лучше бы Джубе меня вызвал на схватку – столько заболел я за Захара Михайловича. Неизвестно, чем бы закончилось. Оба были крепки. Рубахи порвали. Поясные петли у джинсов порвали. Мать вышла их примирить, сказала.

– Дети, гость у вас, и ваш отец сейчас был бы им занят! – сказала.

А была осень, октябрь, было пасмурно. Ветер – покамест теплый, но уже сильный – трепал деревья, серой мглой скрывал хребет и бросал наземь орехи.

По окраине двора бежала речка в два метра шириной, но сердито бурчащая. Ниже по ее течению соседи поставили в свое время крепость. Она оказалась на удивление не качественной, рухнула. И с дороги

ВЕТЕР

Осенью мы пьянствовали у Захара Михайловича. Его младший брат Джубе сказал, что не может поверить, чтобы Захар Михайлович все еще был сильнее его. Сцепились они, Джубе и Захар Михайлович. Во дворе произошла схватка.

Уже осень была, октябрь. Виноград сняли. Орехи с деревьев упали сами, и мы собрали их, зорко следя, на нашей ли стороне межи лежат.

я смотрел на нее, может быть, единственный, кто смотрел и сожалел о ее некачественности. Остальные говорили.

– А да! – говорили. – Рухнула, давно строили!

Цветом развалины крепости были равны ветру, серому. Хребта не было видно. Деревья шумели, швыряли орехи. Хромой Яша взялся за плетень, долго смотрел на север, в серую мглу ветра и осени. Он долго смотрел, а потом сказал – и я это слышал.

– Шида Картли! – сказал он.

От плетня начинался виноградник, уже пустой. И сад с крепкой кехурой начинался от плетня. Хромой Яша не смотрел ни на то, ни на другое. Он смотрел в серую мглу, скрывающую хребет. Ветер пластал орехи. И чтобы услышать друг друга, надо было говорить громко.

– Шида Картли! – сказал хромой Яша.

Захар Михайлович и брат его Джубе, переменяя порванные рубахи на новые, сказали мне пойти с ними. Я пошел. И мы подошли к хромому Яше, остановились подле, посмотрели в серую ветреную мглу.

– Теленка зарежете? – спросил хромой Яша.

– Да! – сказали Захар Михайлович и брат его Джубе.

– Братья ваши старшие где? – спросил хромой Яша.

– Сейчас придут! – сказали Захар Михайлович и Джубе.

– Кто будет резать? – спросил хромой Яша.

– Резать будет Захар! – сказал Джубе.

– Хорошо! – сказал Захар Михайлович.

Пришли старшие братья. Самый старший принес горячий хлеб, а средний в смущении опустил глаза.

– Вот! – показал на крепкого годовалого теленка хромой Яша.

– Давай, Захар! – сказали все три брата.

– Ну, немного поможете? – спросил он.

– Да! – сказали они.

И все попросили меня развести огонь под большим котлом на треноге.

– Это может сделать мальчишка! – обиделся я.

– Нет. Ничего худого не думай. Очень нам поможешь! Сейчас нам огонь с горячей водой очень будут нужны! – сказали все три.

А я вспомнил, как меня пожалела моя невестка, жена мо-

его брата, красавица Дали. Мы на стройке умотались, причем все умотались, и я, пожалуй, был свежее всех.

– Устал, мальчик? – спросила меня моя невестка красавица Дали, будучи годом младше меня.

Оба моих брата потом долго успокаивали меня, говоря, что она, невестка, красавица Дали, имела в виду только обыкновенное участие и ничего более, что она, будучи невесткой, пожалела меня, неженатого, обыкновенно по-женски, что ему, моему брату, женской ласки достанется чуть позже, и второму брату тоже достанется ласки от его жены, но тоже чуть позже – ведь только мне одному из трех после трудов и после застолья спать в одинокой постели. Но я любил свою невестку, жену моего брата, и мне было неприятно ее участие.

Вот так было, и вот так я посчитал обидным разводить огонь, в то время как Захар Михайлович будет резать теленка.

– Нам правда будет нужен огонь! – сказал Захар Михайлович.

– Хорошо, – сказал я.

Я развел огонь. Захар Михайлович и три его брата в пятнадцать минут покончили с теленком, часть мяса положили в котел, а часть – на угли.

Джубе принес большой кувшин и стаканы. Мы опять пьянствовали.

В декабре хромой Яша умер. Земля была теплой. Могилу мы выкопали без труда. И когда мужики выровняли холмик, когда выпили и вылили остаток вина из кувшина на потревоженную землю, я отвернулся на север, на блистающий снегом хребет и сказал украдкой те же слова, что два месяца назад в ветреный день хромой Яша говорил вслух.

– Шида Картли! – сказал я.

Слова эти ничего иного, кроме как обыкновенного, не обозначают. Шида Картли – это Срединная Грузия.

**БАЛТИЙСКИЙ
ДОМ**
ТЕАТР-ФЕСТИВАЛЬ

4 მაისი / МАЯ 19:00

გრიბოედოვის თეატრის სცენაზე / НА СЦЕНЕ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА

**რაზე საუბრობენ
კაცები & ქალები
О ЧЕМ ГОВОРЯТ
МУЖЧИНЫ & ЖЕНЩИНЫ**

ი. რეზან „შლატის ღმერთი“ პიესის მიხედვით
ПО ПЬЕСЕ Я. РЕЗА “БОГ РЕЗНИ”

ფრანგულიდან თარგმანა - დიმიტრი ბიკოვმა
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО - ДМИТРИЙ БЫКОВ

რეჟისორი ანჯეი ბუბენი
Режиссер АНДЖЕЙ БУБЕНЬ

ლეონიდ ალიმოვი
ЛЕОНИД АЛИМОВ

ალა ემინცევა
АЛЛА ЕМИНЦЕВА

ნატალია პარაშკინა
НАТАЛЬЯ ПАРАШКИНА

ვალერი სოლოვიოვი
ВАЛЕРИЙ СОЛОВЬЕВ

Комитет по культуре Санкт-Петербурга

**БАЛТИЙСКИЙ
ДОМ**

ТЕАТР-ФЕСТИВАЛЬ

ბრიტანეთის
თეატრის
სცენაზე

НА СЦЕНЕ
ГРИБОЕДОВСКОГО
ТЕАТРА

ბ. გოგოლის ნაწარმოების მიხედვით

«ტარას ბულბა»

По мотивам повести Н. В. Гоголя

«ТАРАС БУЛЬБА»

მიხაილ ბაშკიროვის პიესა
Пьеса Михаила Башкирова

რეჟისორი
Режиссер

სერგეი
პოტაპოვი

Сергей
ПОТАПОВ

ტარასნი

TARAS

18+

ბილეთების შეკვეთა / დაჯავშნვა:

ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

(032) 2 931106

5

მაისი
MAY
19:00

www.griboedovtheatre.ge